
Кассандра Лэйтс
Черное Солнце
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Кассандра Лэйтс

Чёрное Солнце. Книга 1.

«Автор»
2026

Лэйтс К.

Чёрное Солнце. Книга 1. / К. Лэйтс — «Автор», 2026

Ей было восемнадцать, когда, её продали в академию, где девушек ломают. Он купил её, чтобы проверить, сломается ли она.Ровена — телепат из бедной деревни. Двадцатилетний Эйнар — сын директора Цитадели, тёмный маг, который привык получать всё. Когда она отвергает его, он подставляет её, и по правилам академии она становится его собственностью.Она думала, что хуже рабства быть не может. Она ошибалась.Он не просто хочет её тело. Он хочет залезть ей в голову. Сломать её защиту. Заставить признать, что она создана для подчинения — и для него.Она пытается играть по его правилам. Он думает, что контролирует каждую её мысль. Но заслон, который он поставил в её сознании, — это единственное, что скрывает правду: она уже видела его слабость. И она собирается ею воспользоваться.Он думает, что покупает рабыню. Она собирается доказать, что он купил себе погибель.Книга содержит описания жестких BDSM практик, сцен морального и физического принуждения. Пожалуйста, читайте с осторожностью.

© Лэйтс К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 6
Глава 3 18

Кассандра Лэйтс
Чёрное Солнце. Книга 1.

Глава 1

Пролог

В далеких землях жил садовник, который не любил цветы. Ему нравился их запах, густой и тяжелый, как из открытого погреба. Нравился цвет. А больше всего он любил смотреть, как они умирают у него в руках: как клонится головка, как осыпается пыльца, как лепесток теряет упругость.

Однажды он вырастил Розу. Она вышла прекрасной и дикой: шипы драли ему пальцы, стебель гнулся в ту сторону, которую он не выбирал. Садовник ходил вокруг нее неделю, потом взял нож.

Он не срезал ее. Он подрезал ей корни, обрубал ветви, которые тянулись не туда, и привязывал стебель к железному колышку, затягивая веревку так туго, что кора лопалась. Он делал ей больно, чтобы получилось красиво.

Роза плакала. Сок выступал из надрезов, стекал по его рукам, и он пил его, слизывал с ладоней. Он говорил ей: «Ты не знаешь, что такое красота. Я покажу тебе». А когда она тянулась в сторону, он загибал ее шипы внутрь, к стеблю, и она колола сама себя.

К концу лета Роза перестала сопротивляться. Стебель стоял ровно, ветви лежали по нитке, шипы торчали в одну сторону. Она стала идеальной. И больше не пахла.

Садовник обошел ее кругом, присел, потрогал лепестки, наклонился вдохнуть. Ничего. Он смотрел на свою работу и понимал, что дикость, которая держала его в этом мире, кончилась у него в руках, как кончалось все, что он любил.

Глава 2

Глава 1

1

Осень в Кейрн-Холлоу всегда пахла сырой землей, прелой листвой и дымом. Деревня просыпалась медленно, укутанная в серое утреннее марево, и даже крики петухов здесь звучали приглушенно, словно боялись нарушить тишину древнего леса.

Я стояла под старой яблоней на краю нашего двора, прислонившись спиной к шершавому стволу. Листва на дереве уже почти облетела, и редкие красные яблоки висели на ветвях, как капли застывшей крови. Я ждала Кайла.

Утро выдалось на удивление теплым. Солнце, хоть и бледное, пригревало плечи через тонкую ткань моего платья. Но если поднять голову, можно было заметить, как с севера, от самых Черных скал, медленно наползают тяжелые, свинцовые тучи. Они казались плотными, как мокрое одеяло, и обещали, что скоро небо разверзнется.

Я поежилась, хотя холодно не было. Просто в такие дни, когда тепло и свет боролись с надвигающейся тьмой, во мне всегда просыпалось странное чувство. Предчувствие. Бабушка говорила, что это дар нашей крови — чувствовать, когда мир готовится сделать вдох перед ударом.

Мой взгляд скользнул по нашему дому. Покосившаяся крыша, забитые досками окна на втором этаже, просевшее крыльцо. Я знала каждый скрип в этих стенах. Знала, как стонет дверь, когда отчим возвращается пьяным. Знала, как тихо плачет мать в подушку, чтобы не разбудить младших.

Мать... Бриджит. В окне за бычьим пузырем ее не было видно, но я знала: она лежит в каморке за занавеской, лицом к стене, и слушает, как в доме ходят. Когда-то она была красивой женщиной. Роды, один за другим, выпили из нее жизнь: после рождения младших двойняшек, Мэй и Уилла, она слегла и с тех пор почти не вставала. Я была старшей. Я помнила другой дом. Тот, который был до Гарта.

В том доме пахло травами. Пучки висели под потолком, сухие и пыльные, и я, маленькая, любила смотреть, как отец снимает их, когда в дверь стучал кто-нибудь из деревни. Тэрена уважали: к нему шли за травами и за советом. Он учил меня различать травы по запаху — полынь я и теперь узнаю с закрытыми глазами, — находить коренья под снегом, заговаривать боль. Моего дара он не боялся. Говорил, что телепатия не проклятие, а умение слышать то, что другие пропускают.

Он умер, когда мне было десять. Я до сих пор помню, как это случилось. Он пошел в лес за редкой травой для матери, которая тогда тяжело болела, и не вернулся. Нашли его только через три дня. Сердце остановилось, сказали люди. Просто остановилось.

После его смерти в доме поселилась нищета. А потом и Гарт.

Я невольно поморщилась. Пропитанный дешевым пойлом и злобой, он женился на матери ради крыши над головой, но с первого же дня возненавидел нас — меня и младших. Особенно меня.

Гарт боялся меня.

Однажды, когда он был особенно пьян и замахнулся на меня кулаком, я не выдержала. Я просто позволила своему разуму коснуться его. Я не хотела сделать ему больно. Просто показала то, что он боялся больше всего — собственное отражение в зеркале, которое начало смотреть на него с укором. Я заставила его увидеть, что его душа так же грязна, как его сапоги.

Он не спал неделю. Он кричал, что в доме завелась нечисть. С тех пор он обходил меня стороной, но я знала: он ждет момента, чтобы избавиться от меня. Отдать кому-нибудь. Продать.

— О чем задумалась?

Знакомый голос вырвал меня из тяжелых мыслей. Я подняла голову и улыбнулась.

Кайл стоял в нескольких шагах от меня, держа в руках небольшой сверток. В свои двадцать два года он был высоким, широкоплечим, с мягкими каштановыми волосами, которые падали на лоб. В его карих глазах было столько тепла, что на мгновение мне показалось, будто тучи над головой расступились.

Он был в рабочей рубахе, перепачканной углем — он работал подмастерьем у кузнеца, — и в стоптанных сапогах. Но для меня он был самым красивым парнем в Кейрн-Холлоу.

— Думала, как поскорее тебя дождаться, — ответила я, отталкиваясь от дерева. — Ты опоздал.

Кайл подошел ближе и виновато улыбнулся.

— Прости. Отец заставил доделать заказ. Но я кое-что принес. — Он протянул мне сверток. — Это тебе.

Я развернула плотную ткань. Внутри лежало небольшое, румяное яблоко. Не из нашего сада — у нас таких не было. Оно было идеальным, без единой червоточины, с гладкой кожурой.

— Украл из сада старосты? — усмехнулась я, принимая подарок.

— Купил на ярмарке вчера. — Кайл гордо выпрямился. — У меня была пара медяков с заказов. Я знаю, ты любишь сладкие.

Я прикусила щеку изнутри, чтобы не показать, как сильно меня это тронуло. Он покупал мне яблоко на свои скудные деньги. Пока Гарт пропивал все, что зарабатывала я, Кайл думал, как сделать мне приятно.

— Спасибо, — тихо сказала я, убирая яблоко в карман платья. — Ты меня балуешь.

— Ты заслуживаешь, чтобы тебя баловали, Ровена, — просто ответил он.

Мы уселись на старую поваленную колоду у края двора. Земля под ногами была усыпана желтыми листьями, и они шуршали, когда мы устраивались поудобнее. Кайл сел так, чтобы наши плечи соприкасались. Я чувствовала тепло его тела и запах кузницы, который всегда от него исходил — запах металла и огня.

— Как мама? — спросил он, беря меня за руку. Его ладонь была грубой, мозолистой, но такой надежной.

— Лучше. Я собрала настой из корня девясила, ей стало легче дышать. Тэрен и Лисса помогают по дому, хотя у них получается скорее мешать.

— А Гарт?

Я замолчала на секунду. Пальцы Кайла на моей руке сжались крепче, словно он уже знал ответ.

— Вчера вернулся поздно. Разбил горшок. Кричал, что дом — это дырявая корзина, в которую он бросает деньги.

— Он снова поднимал на тебя руку?

— Нет. — Я посмотрела ему в глаза. — Он боится меня. Ты же знаешь.

Кайл кивнул, но в его взгляде осталась тень. Он всегда немного робел перед моим даром. Он любил меня, но где-то в глубине души боялся, что я могу увидеть в его мыслях. Хотя я никогда не читала его без разрешения. Мне не нужно было. Он был честным. Он был открытым.

— Я бы хотел, чтобы ты жила в другом месте, — тихо сказал он, глядя куда-то вдаль, на лес. — Где тебе не придется собирать травы, чтобы мать не умерла, и терпеть этого ублюдка.

— Я тоже, Кайл.

Он повернулся ко мне. В его глазах была та самая нежность, от которой у меня всегда сжималось сердце. И что-то еще. Осторожность.

Я знала, о чем он думает. Я всегда знала.

— Ты хочешь меня поцеловать, — сказала я с легкой улыбкой.

Кайл моргнул, и его щеки залились румянцем. Он до сих пор смущался, когда я вот так, в лоб, озвучивала его мысли.

— Я... это так заметно?

— Ты уже целую минуту смотришь на мои губы. И твои мысли звучат очень громко. Мне не нужно их читать, чтобы понять, что ты замышляешь.

Он тихо рассмеялся, качая головой. Но смех вышел каким-то натянутым. Он смотрел на меня, и в его глазах, вместе с нежностью, промелькнуло что-то еще. Что-то, от чего у меня внутри неприятно кольнуло.

— Мне иногда кажется, что ты читаешь меня без спроса, — тихо сказал он. — Что тебе не надо меня целовать, чтобы узнать, что я чувствую.

Он тут же пожалел об этом. Я увидела, как его лицо изменилось, как он поспешил взять мою руку и сжать крепче, словно пытаясь стереть сказанное.

— Прости. Я не то имел в виду. Я просто... — он замолчал, не находя слов.

— Я знаю, — ответила я и улыбнулась, хотя внутри что-то сжалось. — Ты не первый, кто так думает.

Он хотел сказать что-то еще, оправдаться, но я не дала ему. Я наклонилась вперед сама, сократив расстояние между нами.

— Секреты — для трусов, — сказала я мягко. — А ты не трус.

Он наклонился ко мне. Медленно. Осторожно. Его дыхание коснулось моего лица, и я почувствовала, как он ждет. Он всегда ждал. Он никогда не брал сам.

Его губы коснулись моих. Легко, невесомо, как падающий лист. Поцелуй был невинным, почти детским. Он не требовал, не настаивал, не шел дальше. Он просто был.

Я закрыла глаза.

И ничего не почувствовала.

Не то чтобы мне было неприятно. Нет. Его губы были мягкими, его руки, которые он положил мне на плечи, были теплыми. Это было... правильно. Так, как должно быть. Как в историях, которые рассказывают младшим на ночь: о принцессах и рыцарях.

Но где-то в глубине меня, там, где жил мой дар, где жили мои чувства, что-то оставалось неподвижным. Я ждала, что внутри вспыхнет огонь, что земля уйдет из-под ног, что я забуду, как дышать.

Этого не случилось.

Когда Кайл отстранился, я открыла глаза и улыбнулась ему. Потому что он смотрел на меня с таким ожиданием, с такой надеждой, что я не могла позволить себе показать свое разочарование. Он был хорошим. Он был лучшим из всех, кого я знала. Я любила его. Я была уверена, что люблю.

Просто... любовь, наверное, ощущается именно так. Тихо. Спокойно. Безопасно.

И его страх перед тем, что я могу увидеть в его голове, — это была не его вина. Это была моя. Я слишком часто показывала, что вижу больше, чем следовало.

Он обнял меня, притянув к груди. Я положила голову ему на плечо, вдыхая запах угля и осеннего ветра.

— Я накоплю денег, — пробормотал он мне в волосы. — К весне у меня будет достаточно. Я поговорю с отцом, он даст мне участок. Мы построим маленький дом на краю деревни. У нас будет сад. Ты сможешь выращивать свои травы, а я буду работать в кузнице.

Я слушала его голос и представляла эту картину. Маленький дом. Сад. Никакого Гарта. Никаких криков по ночам. Только тишина и покой.

Это было все, чего я хотела. Разве нет?

— А дети? — тихо спросила я.

Кайл улыбнулся, и я почувствовала, как его подбородок коснулся моей макушки.

— Двое. Мальчик и девочка. Мальчика назовем в честь твоего отца. Тэрен. А девочку... как ты хочешь.

— Бриджит, — прошептала я. — В честь мамы.

— Бриджит, — согласился он. — Звучит красиво.

Мы сидели так долго. Я слушала, как бьется его сердце, и пыталась убедить себя, что это и есть счастье. Что мне больше ничего не нужно.

Но где-то на краю сознания, там, где я всегда чувствовала чужие мысли, я ощущала смутное беспокойство. Оно не было связано с Кайлом. Оно шло откуда-то извне, из леса, с дороги, из надвигающихся туч.

Я подняла голову.

Небо действительно изменилось. Теплое утро уходило, уступая место серой, тяжелой хмари. Ветер усилился, пригибая ветви яблони к земле. Где-то вдалеке, на главной дороге, ведущей в деревню, поднялась пыль.

— Что это? — Кайл тоже посмотрел в ту сторону.

Я прищурилась, всматриваясь вдаль. По дороге двигались всадники. Их было двое. Они были одеты в одинаковые темные плащи, и даже издалека я чувствовала исходящую от них силу. Не тепло, как от Кайла, а холод. Расчетливый, острый холод.

— Не знаю, — сказала я, и мой голос прозвучал напряженнее, чем мне хотелось. — Но они едут сюда.

Кайл отпустил меня и поднялся, заслоняя меня плечом, словно невидимая угроза уже была рядом.

— Вербовщики? — предположил он. — Слышал, в соседних деревнях они искали девушек с даром.

Сердце пропустило удар.

— С даром, — повторила я.

— Это просто слухи, — быстро сказал Кайл, поворачиваясь ко мне. — Они не заберут тебя. Ты не какая-то там... Ты здесь, со мной.

Он взял меня за руки, и в его глазах был страх. Настоящий, животный страх. Он знал, что мой дар — не просто умение слышать мысли. Это редкость. Это ценность.

Всадники скрылись за поворотом, направляясь к дому старосты. Но я знала: они приехали не просто так.

Я посмотрела на Кайла, на его доброе лицо, на его руки, которые держали меня так крепко.

— Я знаю, — сказала я, пытаясь улыбнуться. — Я здесь.

Но свинцовые тучи над Кейрн-Холлоу становились все тяжелее, и где-то в глубине души я уже знала: это теплое утро было последним.

2

Дверь в нашу хижину скрипнула так, как скрипела всегда — протяжно, с надрывом, словно у нее болело горло. Я вошла внутрь, и привычный запах ударил в нос: сырость, немытая посуда, дешевое пойло и трава, которую я сжигала в жаровне, чтобы хоть как-то отогнать плесень.

Дом был маленьким: одна общая комната, где мы ели и спали, и крошечная каморка за занавеской, где лежала мать. Окна были затянуты бычьим пузырем, потому что на стекло денег не было. Свет проникал внутрь скупо, и даже в теплый день здесь царил полумрак.

Мать лежала на тюфяке. Бриджит была бледной, почти прозрачной, с запавшими щеками и волосами, которые когда-то были такими же рыжими, как у меня, а теперь стали тусклыми и седыми. Она дышала тяжело, с хрипом, и при каждом вдохе ее грудь поднималась с трудом.

Я подошла и опустилась на колени рядом с ней.

— Мама, — тихо позвала я. — Я вернулась.

Она открыла глаза. В них было столько усталости, что у меня защемило сердце.

— Ровена... — Ее голос был слабым, как шелест сухих листьев. — Ты долго...

— Я была у яблони. С Кайлом. — Я взяла ее руку. Кожа была сухой и горячей — жар никак не отпускал ее. — Я принесла еще корня девясила. Заварю тебе отвар, и к ночи станет легче.

Она слабо улыбнулась.

— Ты всегда... всегда знаешь, что делать...

Я не ответила. Просто сжала ее руку и встала, чтобы взяться за дела.

Двойняшки Тэрен и Лисса сидели на полу у очага. Им было по шесть лет, и они были похожи на маленьких воробьев — худые, большеглазые, с вечно испачканными руками. Тэрен что-то чертил угольком на доске, которую я ему дала, а Лисса пыталась шить из старых лоскутов куклу.

Увидев меня, они оба вскинули головы.

— Ровена! — Лисса бросила куклу и подбежала ко мне, обхватывая мне ноги. — А Гарт сегодня злой. Он проснулся и кричал.

Я погладила ее по волосам.

— Он всегда злой, Лисса. Это не твоя вина.

— Он разбил кувшин, — добавил Тэрен, не поднимая головы от рисунка. Он был более замкнутым, чем сестра, и в шесть лет уже понимал, что лучше не привлекать к себе внимания. — Я убрал осколки, чтобы ты не порезалась.

— Спасибо, малыш. — Я подошла и присела рядом с ним. — Что ты рисуешь?

Он показал мне доску. Там были нарисованы какие-то палочки, похожие на деревья, и маленькие фигурки.

— Это мы, — сказал он. — Это ты, это мама, это Лисса, это я. И папа. — Он ткнул пальцем в фигурку, нарисованную отдельно. — Он на небе. Он смотрит на нас.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Мой отец. Тэрен был лучшим человеком в моей жизни. Я до сих пор помню его руки, его голос, его смех. Он не был похож на Гарта. Он никогда не поднимал руку на мать. Он никогда не кричал. Он просто... был. И его не стало.

— Да, — тихо сказала я. — Он смотрит на нас.

Мэй и Уилл, дети Гарта, были на улице. Им было по три года, и они еще не понимали, что происходит в доме. Они просто играли в грязи, как щенки, и радовались, когда я приносила им что-то сладкое. Я иногда думала: как можно быть детьми Гарта и не стать такими жестокими, как он? А потом смотрела на них и понимала: они не виноваты. Они не выбрали такого отца.

Я занялась делами. Заварила матери отвар, дала ей несколько глотков. Потом почистила горшки, вымыла пол, развела огонь в очаге, чтобы сварить похлебку из того, что осталось. В доме было убого и пусто. Стены были черными от копоти, крыша протекала в углу, и там стояло ведро, чтобы вода не заливала пол.

И все это время в моей голове не переставала звучать одна мысль: всадники.

Серые Псы.

Я слышала о них сколько себя помню. В Кейрн-Холлоу это имя передавали шепотом, у колодца, за спиной, чтобы не услышали дети. Говорили, что Псы служат Цитадели Багрового Рассвета, академии в Обсидиане, и ищут девушек с даром. Не для того, чтобы учить их доброму.

Про саму Цитадель рассказывали по-разному, и каждый рассказ был страшнее предыдущего. Торговец, который привозил в деревню соль, хвалил ее: там, мол, учат магии, кормят досыта, дают кров и знания, а девушки выходят оттуда образованными и уважаемыми. Говорил он это громко, за столом, и сам себе верил.

Тише говорили другое. Что Цитадель — не школа, а рынок. Что девушек привозят туда не учиться, а «обкатывать». Что у них заведено: провинившуюся студентку наказывают, а после наказания она уже не студентка, а собственность. Ее продают, кому угодно из педагогов, у кого есть деньги. А педагоги — черные маги.

Про черных магов я слышала еще в детстве, и от этих рассказов хотелось забиться в угол. Они не просто убивают и не просто подчиняют. Они играют — с болью, со страхом, с телами. Те, кто к ним попадал, становились рабынями. И не только рабынями: игрушками.

Кто-то говорил, что все это ложь, что Цитадель — элитное заведение для благородных девиц и туда берут только лучших. Говорили, что лица у них холодные, сосредоточенные, без эмоций. Смотрели не на людей, а на товар. И я знала: если в деревне появились Псы, добра не жди.

И они ехали к дому старосты.

— Ровена? — Лисса дернула меня за рукав. — Ты почему замерла?

Я очнулась. Я стояла у очага, держа ложку, которой мешала похлебку.

— Все хорошо, — сказала я, выдавив улыбку. — Просто задумалась.

— А ты меня научишь варить зелья? — спросила она. — Как бабушка?

Я посмотрела на нее. На ее наивное, чистое лицо.

— Научу, — сказала я. — Обязательно научу.

Я не знала тогда, что не успею.

Время шло к полудню. Я почти закончила с делами, когда услышала шаги за дверью. Тяжелые, неуверенные. Шаги человека, который пил с самого утра.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Гарт.

Он был высоким, но уже обрюзгшим от пьянства. Его лицо было красным, с сеткой лопнувших сосудов на щеках. От него разило перегаром так сильно, что я поморщилась. Он стоял, покачиваясь, и смотрел на меня с той злобой, какая бывала у него всегда, когда он пил.

Но не только он вошел в дом.

За его спиной, в дверном проеме, стояли двое. Мужчины в темно-серых плащах с капюшонами, которые скрывали их лица.

3

— Вот она, — Гарт ткнул в меня грязным пальцем, и его ухмылка стала шире. — Ровена. Старшая. Колдунья. Читает мысли, как я пью воду. Ведьма.

Я замерла. Ложка в моей руке дрогнула.

— Я не ведьма, — сказала я, и голос мой прозвучал тише, чем я хотела. — Гарт, ты пьян. Иди проспись.

— Не смей мне указывать! — он шагнул вперед, покачиваясь. — Я знаю, что ты делаешь. Ты слышишь, что я думаю. Ты в голову мне залезаешь, дрянь. Ты и детей моих пугаешь. Ты мне всю жизнь испортила!

Один из Псов повернул голову к Гарту, и в его голосе не было ни капли сочувствия.

— Ты продаешь свою падчерицу. Почему?

Гарт оскалился, и в его глазах промелькнул страх.

— Она мне в голову залезла, — прохрипел он. — Я неделю спать не мог. Думал, сдохну. Каждую ночь видел себя в зеркале, и это отражение на меня смотрело. Как живое. Забирайте ее, пока она меня не убила!

Второй Пёс тихо усмехнулся, и от этого звука мне стало по-настоящему страшно.

Пёс поднял руку. Это движение было таким спокойным, таким ленивым, что я сначала не поняла, что произошло. Но Гарт замолчал. Просто замолчал, как будто у него отняли голос. Он открыл рот, но оттуда не вырвалось ни звука.

— Замолчи, — сказал Пес. Голос был ровным, без эмоций. — Ты уже сказал достаточно.

Гарт побледнел. Даже сквозь хмель он понял, что лучше не спорить.

Первый Пес — тот, что стоял ближе, — откинул капюшон. Я увидела молодое лицо, жестокое, с холодными глазами. Он смотрел на меня так, как мясник смотрит на тушу: оценивающе.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

Я хотела соврать. Хотела сказать, что мне шестнадцать, что я больна, что я бесполезна. Но я чувствовала его магию — она давила на меня, как каменная плита, и я понимала: он почувствует ложь. Он маг. А значит, у меня нет шансов.

— Восемнадцать, — ответила я.

Второй Пес, который до этого молчал, наклонил голову набок, рассматривая меня. В отличие от первого, он не скрывал лица — у него была гладкая кожа, тонкие губы и глаза, которые раздевали меня взглядом.

— А если ее отмыть и приодеть, — сказал он задумчиво, — она будет очень даже ничего. Даже симпатичной. Рыжая. Редкость.

Я сжала зубы так сильно, что челюсть заныла.

— У меня нет никакого дара, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Просто моему отчиму опять не хватает денег на выпивку. Он готов продать любого, кто под руку попадется.

Первый Пес посмотрел на меня долгим взглядом. Потом усмехнулся.

— Сейчас проверим.

Он подошел ко мне. Я хотела отшатнуться, но ноги не слушались. Он остановился в шаге от меня и поднял руку. В его пальцах что-то блеснуло — маленький черный кристалл на цепочке. Он покачивался, как маятник, и я почувствовала, как от него исходит холод. Настоящий, физический холод, от которого у меня по спине поползли мурашки.

— Смотри на камень, — приказал он.

Я не хотела. Но мои глаза сами устремились к кристаллу. Он был черным, как сама ночь, но внутри него что-то двигалось, переливалось, как масло в воде. И чем дольше я смотрела, тем громче становились голоса в моей голове.

Чужие голоса.

Я услышала, как Лисса думает о кукле. Как Тэрен боится, что его снова ударят. Как мать молится, чтобы все обошлось. Как Гарт думает о деньгах, которые получит. И как Псы думают обо мне — один о том, сколько за меня дадут, второй о том, как я буду выглядеть без этой грязной одежды.

Я зажмурилась и тряхнула головой. Голоса были слишком громкими. Они давили со всех сторон, и я не могла их оттолкнуть. Но я должна была. Если я покажу, что слышу, они заберут меня.

— Я ничего не слышу, — прошептала я. — Я не...

Кристалл в его руке вспыхнул. Ярко, ослепительно, как молния. И в тот же миг моя рука дернулась сама собой. Я не хотела этого. Я пыталась ее остановить, но она тянулась к кристаллу, как будто он был магнитом, а я — железом. Пальцы дрожали, и я чувствовала, как от напряжения начинает гореть запястье.

— Смотрите-ка, — с удовлетворением протянул первый Пес. — Она даже не может сопротивляться.

Я хотела закричать, что это не так, что я контролирую себя. Но вместо этого губы открылись сами, и изо рта вырвался чужой голос. Голос Гарта.

— Деньги... — прошептала я его мыслями. — Наконец-то я избавлюсь от этой ведьмы...

Я замолчала, прижав ладонь ко рту. Меня затрясло. Я никогда не теряла контроль над своим телом. Никогда. Я всегда могла отгородиться, закрыться, спрятаться. Но этот кристалл вывернул меня наизнанку, как мешок с зерном, и высыпал наружу все, что я так старательно прятала.

Второй Пёс засмеялся — тихо, с искренним удовольствием.

— Ох, какая прелесть. Она даже не понимает, что с ней происходит.

Первый Пес кивнул. Он убрал кристалл в карман плаща и посмотрел на Гарта.

— Он не врет, — сказал он. — Дар есть. Телепатия. Редкий случай.

Второй Пес усмехнулся.

— Отлично. Заберем ее.

— Нет! — я попятилась, упираясь спиной в стену. — Нет, пожалуйста. У меня мать больная. У меня братья и сестры. Я не могу...

Я не договорила. Первый Пес шагнул вперед и схватил меня за руку. Его хватка была железной.

— Тише, — сказал он. — Не заставляй нас применять силу.

— Ровена! — Лисса закричала и бросилась ко мне, цепляясь за платье. — Не забирайте ее! Не забирайте!

Тэрен вскочил на ноги и тоже бросился ко мне, но второй Пес оттолкнул его. Не грубо, но достаточно, чтобы мальчик отлетел в сторону и ударился о стену.

— Тэрен! — крикнула я, пытаясь вырваться.

Мать застонала на постели. Она пыталась встать, но силы оставили ее.

— Ровена... — прошептала она. — Ровена, доченька...

Первый Пес потащил меня к двери. Я упиралась, хваталась за косяк, за стол, за что угодно, но он был сильнее. Второй Пес шел позади, и я чувствовала его взгляд на своей спине.

Когда мы вышли на крыльцо, первый Пес остановился. Он достал из кармана маленький кошель и бросил его под ноги Гарту. Кошель упал на доски с тяжелым звоном.

— Твоя плата, — сказал он с презрением. — И не смей больше являться к нам. Ты больше не нужен.

Гарт схватил кошель и быстро спрятал его за пазуху. Он даже не взглянул на мать.

Псы потащили меня к лошадям. Пошел дождь, и холодные капли стекали по моему лицу. Я не понимала, что происходит. Я не понимала, как это могло случиться так быстро.

— Садись, — приказал первый Пес, подталкивая меня к лошади.

Я не двигалась. Тогда он схватил меня за талию и поднял, усадив в седло. Я попыталась спрыгнуть, но он уже вскочил позади меня, и его рука обвила мою талию, как железный обруч.

— Не дергайся, — сказал он. — Иначе будет хуже.

Я обернулась. В дверях стояли Лисса и Тэрен. Они плакали, держась за руки. Мать стояла, опираясь на дверной косяк, и ее лицо было мокрым от слез. Не знаю, откуда она нашла в себе силы подняться и выйти.

И тогда я увидела Кайла.

Он бежал по дороге, разбрызгивая грязь. Его рубаха была расстегнута, волосы растрепались. Он кричал что-то, но ветер уносил слова.

— Ровена! — он наконец добежал до нас, задыхаясь. — Ровена, отпустите ее!

Первый Пес даже не обернулся. Второй усмехнулся.

— Мальчик, иди домой. Пока цел.

— Я не отдам ее! — Кайл схватил поводья моей лошади. — Она не вещь! Вы не можете...

Он не договорил. Второй Пес поднял руку и сделал короткое движение. Я даже не увидела, что именно он сделал. Просто воздух вокруг Кайла потемнел, и его отбросило назад. Он упал на землю, в грязь, и замер.

— Кайл! — я закричала и попыталась спрыгнуть с лошади. Но рука первого Пса держала меня крепко.

— Он жив, — сказал он спокойно. — Пока жив. Если ты не будешь дергаться, он останется живым.

Я замерла. Просто смотрела на Кайла, который лежал в грязи и не двигался. Я видела, как Лисса и Тэрен выбежали из дома и бросились к нему. Я видела, как мать упала на колени от слабости.

Черная магия. Я знала, что это такое. И я знала, что если я сейчас не поеду с ними, они убьют кого-нибудь.

Я перестала сопротивляться.

— Хорошая девочка, — сказал первый Пес.

Лошадь тронулась с места. Я обернулась назад и увидела, как Кайл поднимается на колени. Его лицо было в грязи, но глаза горели.

— Ровена! — крикнул он. — Я найду тебя! Слышишь?! Я спасу тебя! Я люблю тебя!

Я хотела ответить. Хотела сказать, что тоже его люблю. Но я смотрела на него, на его перепачканное лицо, и чувствовала только одно: страх.

Лошади понеслись по дороге, прочь из Кейрн-Холлоу. Дождь хлестал по лицу, и я уже не понимала, где слезы, а где капли.

Я ехала в Цитадель Багрового Рассвета.

4

Дорога до Обсидиана заняла почти шесть часов. Шесть часов под холодным осенним дождем, который то стихал, то начинался снова, превращая землю под копытами лошадей в вязкое месиво. Я сидела впереди первого Пса, и его рука не отпускала мою талию. Я не пыталась сбежать. Не пыталась кричать. Я просто смотрела на дорогу, уходящую назад, и думала, что каждый удар копыт отдаляет меня от Кейрн-Холлоу, от матери, от Лиссы и Тэрена, от Кайла, который остался лежать в грязи.

Я пыталась читать мысли Псов. Хотя бы для того, чтобы понять, что меня ждет. Я осторожно потянулась к разуму того, кто ехал впереди, и тут же наткнулась на глухую, непроницаемую стену. Она была не как заслон сильного мага — гладкий и холодный, как стекло. Эта стена была шершавой, тяжелой, как камень. Я надавила на нее сильнее, пытаясь найти хоть щель, хоть трещину, и вдруг в голове вспыхнула такая острая, ослепляющая боль, что я зажмурилась и едва не вскрикнула. Казалось, будто я ударилась лбом о настоящую скалу. Боль пульсировала в висках, отдавала в затылок, и на глаза навернулись слезы.

Я отступила. Медленно, осторожно, как отступают от края пропасти. И поняла: они не просто закрыты. Они закрыты так, чтобы никто не мог даже попытаться. И если я буду лезть снова, они это почувствуют.

Второй Пес, тот, что ехал рядом, иногда поглядывал на меня. Его взгляд был липким, как грязь на дороге. Он ничего не говорил, но я чувствовала, о чем он думает. И от этого мне хотелось сжаться в комок.

К вечеру, когда небо стало совсем темным, вдали показались огни. Сначала я подумала, что это звезды, упавшие на землю. Но чем ближе мы подъезжали, тем яснее становилось: это город. Огромный, раскинувшийся на холмах, окруженный высокой каменной стеной. Обсидиан.

Столица Вельдрии.

Мы въехали через южные ворота, и я сразу почувствовала разницу. Если Кейрн-Холлоу пах деревней, лесом и дымом, то Обсидиан пах камнем, железом и чем-то еще — сладковатым, тяжелым, похожим на благовония, которыми пользуются богатые, чтобы скрыть запах грязи.

Окраины были грязными. Узкие улочки, застроенные покосившимися домами, где на каждом углу сидели нищие. Дети в лохмотьях играли в канавах, и их лица были такими же

серыми, как стены. Женщины с усталыми глазами развешивали белье прямо над головами прохожих. Мужчины смотрели на нас исподлобья — на Псов, на меня, на лошадей. В их взглядах не было любопытства. Только привычная настороженность людей, которые живут там, где закон не защищает.

Но чем дальше мы ехали, тем больше город менялся. Дома становились выше, улицы шире, грязь уступала место каменным мостовым. Появились фонари — настоящие, магические, с мягким голубым светом. За стеклянными окнами виднелись занавески, статуи, картины. Люди на этих улицах были одеты в шелка и бархат, их лица были сытыми и надменными. Они не смотрели на нас. Они не видели никого, кто ехал по дороге. Они жили в другом мире.

Я слышала о короле Джарвисе. В Кейрн-Холлоу о нем говорили редко. Говорили, что он слабый правитель, что он не управляет страной, а просто сидит на троне и подписывает бумаги. Что настоящая власть принадлежит черным магам. Они правят Вельдрией вместо короля. Они делают что хотят. И никто не смеет им перечить.

Я слышала и об их нравах. О том, что они любят роскошь, удовольствия и власть. Что они берут себе девушек — не для любви, а для игры. Что они устраивают пиры, на которых творятся вещи, о каких вслух не говорят. Что они коллекционируют красивых женщин, как другие коллекционируют картины или драгоценности. И что эти женщины редко возвращаются домой.

— Куда вы меня везете? — спросила я, когда мы проезжали очередную широкую улицу с богатыми домами. — Что со мной будет?

Первый Пес не ответил. Он даже не посмотрел на меня. Второй усмехнулся.

— Увидишь, — сказал он. — Тебе понравится. Или нет. Зависит от того, как ты будешь себя вести.

— Что это значит? — я попыталась обернуться, но рука первого Пса не пустила.

— Это значит, что некоторые девушки ломаются сразу, — сказал второй. — А некоторые — нет. И с теми, кто не ломается, поступают интереснее.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. Это был не страх перед неизвестностью. Это был страх перед тем, что я уже знала. Слухи, которые я слышала в деревне, были правдой.

— Скажите мне, — я старалась, чтобы голос не дрожал. — Что там? В Цитадели? Что вы с нами делаете?

Первый Пес, наконец, нарушил молчание. Его голос был ровным, без эмоций.

— Тебя учат, — сказал он. — Тебя готовят. А потом продают. Всё просто.

— Продают? — я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. — Как скот?

— Как магический ресурс, — поправил он. — Ты телепат. Это редкость. За тебя хорошо заплатят.

Второй Пес засмеялся. Этот смех был похож на скрип несмазанной двери.

— Если не испортишь товар до продажи, — сказал он. — А то бывает, что девушки приходят красивыми, а уходят... ну, не очень. Хозяева не любят, когда с их собственностью что-то случается.

Я замолчала. Больше не было смысла спрашивать. Они не скажут мне правду. Или скажут, но так, что я пожалею, что спросила.

Город закончился внезапно. Дома расступились, и мы выехали на огромную площадь. Я увидела ее.

Цитадель Багрового Рассвета.

Она стояла на холме, возвышаясь над городом, как корона, надетая на голову мертвеца. Это было огромное здание из черного камня — того самого обсидиана, в честь которого был назван город. Оно было красивым. Пугающе красивым. Высокие шпили, узкие окна, стрель-

чатые арки. Оно было отделано золотом и серебром, и в свете магических фонарей казалось, что по его стенам текут реки крови.

Но в этой красоте не было тепла. Не было жизни. Только холод, который исходил от стен, от башен, от самого воздуха вокруг. Вороны кружили над шпилями, и их крики были единственным звуком, нарушавшим тишину.

Псы остановили лошадей у массивных ворот. Я смотрела на Цитадель, и внутри у меня все холодело. Это было не просто здание. Это была тюрьма. И я ехала в нее.

— Приехали, — сказал первый Пес. — Добро пожаловать домой.

5

Ворота Цитадели открылись с тяжелым скрежетом, словно нехотя впуская нас внутрь. Мы въехали во двор, и у меня перехватило дыхание.

Двор был огромным. Вымощенный гладким черным камнем, он казался бездонным. По периметру стояли статуи — не святых и не королей, а каких-то существ с крыльями и рогами, и их каменные глаза следили за каждым моим движением. В центре бил фонтан, но вода в нем была темной, почти черной, и в свете магических фонарей она переливалась, как масло.

Было тихо. Слишком тихо для такого огромного места. Я видела только охрану — мужчин в темных доспехах, стоявших у стен, — и нескольких учениц. Девушки в одинаковых серых платьях шли по двору, опустив головы. Они не разговаривали. Они не смотрели по сторонам. Они просто шли, как тени, и исчезали в дверях главного здания.

Но откуда-то сверху, со второго этажа, доносились звуки. Музыка. Нежная, тягучая мелодия, которая не вязалась с этим мрачным местом. И смех. Громкий, женский смех, перебиваемый низким мужским голосом.

Первый Пес спешился и стащил меня с лошади. Ноги онемели от долгой езды, я пошатнулась, но устояла. И в этот момент, невольно, подняла голову на звук.

Дверь наверху распахнулась, выпуская наружу волну теплого света и громкую музыку. На балкон вышел он.

Я не знала, кто он. Я не знала его имени. Но я сразу поняла: это не охрана, не педагог, не кто-то из Псов. Это было что-то другое.

Он был почти моим ровесником, не старше двадцати. Высокий, с длинными темными волосами, которые падали на плечи, как черный шелк. Его лицо было красивым, но не той красотой, которую я привыкла видеть в деревне: опасной, вызывающей, от которой хотелось отступить на шаг. Резкие скулы, четкая линия подбородка, чувственные губы, изогнутые в ленивой усмешке. На нем была черная рубашка, расстегнутая на груди, и потертая кожаная куртка, которая выглядела так, будто он в ней спал или дрался. На шее висел кулон — синий кристалл, который мерцал в свете фонаря.

Он прижимал к себе какую-то девушку. Она смеялась, что-то говорила ему на ухо, теребила его рубашку. Он наклонился к ней, почти касаясь губами ее шеи, и его усмешка стала шире. На двор он не смотрел. Видел только ее.

Но потом, в какой-то момент — может, она что-то сказала, может, он просто повернул голову — его взгляд скользнул вниз. Случайно. Мимоходом.

И упал на меня.

Наши взгляды встретились.

И я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Не от страха. Не от холода. А от чего-то другого. Будто я стояла на краю обрыва и вдруг поняла, что падаю. Меня засасывало в омут — глубокий, темный. В его глазах не было ни любопытства, ни жалости, ни даже презрения. Только холод. И что-то еще. Что-то, что я не могла назвать.

Я попыталась прочитать его мысли. Это было рефлексом, привычкой, частью меня. Но я наткнулась на стену. Гладкую, непроницаемую, как стекло. Заслон. Я не слышала его. Я не чув-

ствовала его. Я просто смотрела на него, и он смотрел на меня, и это длилось всего несколько секунд, но мне показалось, что прошла вечность.

Я услышала, как второй Пес почти неслышно присвистнул. А потом его голос, с той самой липкой усмешкой, которая так меня пугала:

— Ох, девочка... Зря ты привлекла его внимание. Очень зря.

Первый Пес подтолкнул меня в спину.

— Иди, — сказал он. — Не заставляй ждать.

Я отвернулась. Медленно, с трудом, как будто отрывала себя от чего-то важного. Псы повели меня к главному входу, и я шла, чувствуя спиной его взгляд. Взгляд не отпускал. Он был как прикосновение, как холодная рука на затылке. Я слышала, как девушка на балконе снова засмеялась. Слышала, как он что-то сказал ей в ответ. Но я знала: он все еще смотрит на меня.

Мы вошли в главное здание. Двери закрылись за нами с глухим стуком, и я наконец выдохнула. Но ощущение его взгляда осталось. Оно было на моей коже, в моих легких, в моем сердце.

Я не знала, кто он. Но я уже понимала: этот взгляд будет сниться мне всю оставшуюся жизнь. И не как кошмар. Как обещание.

Глава 3

Глава 2.

1

Псы довели меня до массивных дубовых дверей большого здания, примыкающего к основному корпусу, и остановились. Один из них постучал — коротко, три раза. Дверь открылась почти сразу, словно за ней ждали.

На пороге стояла женщина. Я сразу поняла, что она здесь не для того, чтобы утешать.

Она была высокой и костлявой, с прямой спиной, словно проглотила линейку. Ее седые волосы были стянуты в тугой пучок на затылке, и ни одна прядь не выбивалась из прически. Бледно-голубые глаза смотрели на меня так, будто я была не человеком, а грязью, которую нужно отмыть. Тонкие губы поджаты. От нее пахло каким-то лекарством, от которого немного щипало в носу. На поясе висела связка огромных железных ключей, и они звякнули, когда она шагнула вперед.

— Это она? — спросила женщина. Голос у нее был сухим, как старая бумага.

— Здравствуйте, мадам Кросс. Да. Она телепат. Нашли в деревне, её продал отчим. — Бросил первый Пёс. — Ей восемнадцать. Знания на нуле, дар она не контролирует. Но потенциал есть.

— Ясно. — Мадам Кросс оглядела меня с головы до ног, и в ее взгляде не было ни капли любопытства. Только оценка. — Директор оценит завтра утром. Заходи. Не стой на пороге.

Псы развернулись и ушли, даже не попрощавшись. Дверь за ними захлопнулась, и я осталась одна с этой женщиной.

— Слушай внимательно, — сказала она, не глядя на меня. — Я не люблю повторять. Меня зовут мадам Кросс, обращаться ко мне только так. Я комендант общежития, и здесь чётко следуют установленным мной правилам. Первое: после отбоя — ни шагу из комнаты. Если поймаю — три ночи в карцере. Без еды, без света, без магии. Второе: молчать, пока не спросят. За болтовню — розги. И не думай, что твой дар тебя спасет. Здесь дары отбирают, а не лелеют. Третье: форма — только та, что выдана. Если увижу хоть одну ленту, хоть одну побрякушку, хоть одну попытку выглядеть красиво — пеняй на себя. Ты здесь не для того, чтобы нравиться.

Я слушала ее, и внутри у меня все сжималось. Но страх странным образом смешивался с чем-то еще. С интересом. Я смотрела на эти стены, на эту женщину, на ее ключи и думала: «Это теперь мой дом. И я должна понять его правила, чтобы выжить».

— А что со мной будет? — спросила я, когда она замолчала. — Что здесь вообще происходит?

Мадам Кросс посмотрела на меня так, будто я спросила что-то неприличное.

— Завтра, — отрезала она. — Директор сам все объяснит. Он не любит, когда я вмешиваюсь в его дела. А теперь иди за мной. Не отставай.

Она повернулась и пошла к лестнице. Её ключи снова звякнули. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ней.

Лестница была каменной, узкой, с высокими ступенями. Мы поднялись на второй этаж, и я оказалась в длинном коридоре. Здесь было темно, хотя в настенных подсвечниках горели магические огни — тусклые, голубоватые, они давали мало света. Стены были голыми, без единой картины, без единого гобелена. Пол был каменным, холодным даже сквозь подошвы туфель. Где-то вдалеке капала вода.

Общежитие походило на тюрьму. Ряды одинаковых дверей, обитых темным железом. Номера, выбитые прямо на металле. Никаких украшений, никаких растений, ничего, что говорило бы о том, что здесь живут люди. Только холод и камень.

Мы прошли мимо одной из дверей, и я вдруг почувствовала что-то. Не мысль — просто эмоцию. Страх. Глухой, застарелый, как боль, к которой привыкли. Я обернулась, но дверь была закрыта. За ней кто-то был. Кто-то, кто боялся так сильно, что это выплескивалось наружу, даже через заслон.

— Не отставай, — повторила мадам Кросс, не оборачиваясь.

Я пошла быстрее. Но это чувство — чужой страх — осталось на моей коже, как прикосновение. И я поймала себя на мысли, что хочу узнать, кто там, за дверью. Хочу понять, что с ними сделали.

Это было странно. Я должна была бояться. Я боялась. Но что-то во мне, та часть, что всегда чувствовала чужие мысли, тянулась к этому месту, как рука к горячему чайнику. С интересом. С голодом, которого я раньше не знала.

Мадам Кросс остановилась у одной из дверей в самом конце коридора. Номер «семнадцать». Она достала из связки ключ и вставила его в замок.

— Твоя комната, — сказала она. — Внутри есть соседка. Морана. Она здесь дольше тебя. Слушай ее, но не доверяй слишком сильно. Здесь никому нельзя доверять.

Она открыла дверь и посторонилась.

— И вам тоже? — не сдержалась я.

Она с холодной усмешкой посмотрела на меня.

— Мне в первую очередь. — Она распахнула дверь моей комнаты.

— Заходи.

2

Я шагнула в комнату, и дверь за мной закрылась с глухим стуком. Замок щелкнул, и звук этот показался мне приговором.

Комната была маленькой. Едва ли больше каморки, в которой жила моя мать, но чище. Две узкие кровати стояли у противоположных стен, застеленные серыми шерстяными одеялами. Между ними — крошечный деревянный стол, на котором стоял таз для умывания и кувшин с водой. У дальней стены — сундук для вещей. И окно. Узкое, с толстыми железными прутьями, затянутое бычьим пузырем, как и у нас дома. Но даже сквозь него было видно, что на улице уже глубокая ночь.

Стены были голыми. Ни гобеленов, ни картин, ни даже простых рисунков. Только серый камень, холодный и безмолвный. Пахло сыростью, пылью и чем-то еще — слабым запахом лекарств, который, видимо, остался от мадам Кросс.

На одной из кроватей сидела девушка.

Морана.

Косу она перекинула на плечо, тугую, темную, почти черную, а глаза у нее были темно-карие, почти черные, и смотрели на меня внимательно и настороженно. Мы были ровесницами, может, она на год старше. Кожа такая же белая, как у меня, только без веснушек, и острые скулы делали лицо немного хищным. Над левой бровью белел тонкий шрам, с ним она казалась старше своих лет. Форма на ней была та же мышиная, что у всех, но рукав аккуратно заштопан: эту одежду она носила долго и менять не собиралась.

Она не встала. Не улыбнулась. Просто смотрела, как я стою на пороге, и оценивала меня так же, как мадам Кросс.

— Новенькая, — сказала она. Это был не вопрос. Утверждение.

— Ровена, — ответила я.

— Морана. — Она кивнула на вторую кровать. — Твоя. Не пытайся занять мою. Я здесь дольше.

Я прошла к своей кровати и села на край. Матрас был тонким, набитым соломой, и скрипел под моим весом. Одеяло казалось жестким, но чистым. Я положила руки на колени и огляделась. В комнате было тихо. Слишком тихо.

— Ты телепат, да? — спросила Морана, и в ее голосе не было любопытства. Только деловой тон.

— Да, — ответила я. — А ты?

— Провидица. — Она пожала плечами, как будто это ничего не значило. — Мне снятся сны. Иногда они сбываются. Но я пока не очень хорошо понимаю, как это работает. Только учусь.

Я кивнула. Внутри меня что-то зашевелилось. Провидица. Это редкий дар. Не такой редкий, как телепатия, но все же. И она была здесь, в этой клетке, вместе со мной.

Мой желудок вдруг громко заурчал. Я покраснела и прижала руку к животу. Я не ела с самого утра, и организм, несмотря на пережитое, напоминал об этом.

— Голодная? — спросила Морана.

— Да. Ужин уже был?

— Был. — Она кивнула на дверь. — Приносят в шесть, так что ты опоздала. Просить что-либо бесполезно, мадам Кросс скорее даст тебе умереть с голоду, чем распорядится что-то принести. Не по уставу.

К горлу подкатывало отчаяние. Голод был не самым страшным, что со мной случилось за этот день, но сейчас он казался последней каплей. Я закрыла глаза и попыталась дышать глубже.

— Эй, — тихо позвала Морана. — Не вешай нос.

Я открыла глаза. Она смотрела на меня, и в ее глазах промелькнуло что-то похожее на жалость. Или на понимание.

— Придется тебе подождать завтрака. Он будет в семь утра, а в шесть общий подъём, — сказала она медленно. — Но... — она хитро прищурилась и полезла под подушку. — Кое-что у меня есть.

Она вытащила небольшой сверток из плотной ткани и развернула его на коленях. Внутри лежали три круглых печенья, темных от специй, с вкраплениями орехов.

— Откуда это? — спросила я.

— Утащила с ужина. — Она усмехнулась, и шрам на ее брови дернулся. — Правила — это для тех, кто не умеет выживать. А я умею.

Она протянула мне одно печенье. Я взяла его, чувствуя, как тепло ее пальцев передается моим. Оно было жестким и немного черствым, но пахло так, что у меня закружилась голова.

— Спасибо, — сказала я.

— Ешь, — ответила она. — Это немного, но хоть что-то. До утра продержишься.

Я откусила кусочек. Печенье было сладким, с привкусом меда и корицы. Оно хрустело на зубах, и напряжение понемногу отпускало меня. Морана тоже взяла печенье и начала есть, глядя на меня через стол.

— Ты из деревни? — спросила она.

— Из Кейрн-Холлоу, — ответила я. — На севере.

— Не слышала. — Она пожала плечами. — Я из приюта. В Обсидиане. Меня взяли оттуда два месяца назад. Сказали, что у меня дар. И что здесь я смогу его развить.

— И как? — я откусила еще кусочек. — Развила?

— Немного. — Она задумалась, жуя. — Мне снятся сны. В них я вижу вещи, которые еще не случились. Иногда это мелочи. Кто-то упадет. Кто-то опоздает. Иногда... — она замолчала, и ее глаза стали темнее. — Иногда это что-то важное. Что-то страшное. Но я не всегда понимаю, что именно я вижу. И не всегда могу это остановить.

Я кивнула. Я знала, что это такое. Когда ты видишь что-то, чего не хочешь видеть, и не можешь закрыть глаза.

— А ты? — спросила она. — Как ты сюда попала?

Я рассказала ей. Коротко. Про отчима. Про то, как он продал меня Псам. Про Кайла, который остался лежать в грязи. Я не стала говорить о том, что чувствовала, когда меня забирали. Это было слишком личным. Слишком больным.

Морана слушала молча. Когда я закончила, она кивнула, как будто ожидала чего-то подобного.

— Здесь так у всех, — сказала она. — Ну, почти у всех. Кого-то продали родители. Кого-то, как меня, забрали из приюта. Кого-то поймали на улице. Но итог один. Мы все здесь, и мы все — товар.

— Товар, — повторила я. Слово было горьким на языке.

— Ага. — Она доела печенье и отряхнула крошки с колен. — Но это не значит, что мы должны вести себя как товар. Понимаешь?

Я не понимала. Но кивнула.

— Что здесь происходит? — спросила я. — Я слышала слухи. Но...

— Слухи — это только половина правды, — перебила меня Морана. — Не хочу тебя пугать, но на самом деле все хуже.

Она пересела на край кровати и наклонилась ко мне, понизив голос.

— Правил много, но главное одно — не попадаться, — сказала она. — Наказывают публично, чтобы видели все. А потом продают. Сразу, не после выпуска. Тому из преподавателей, кто заплатит больше. Поэтому лучше держаться тихо.

Я поежилась и вспомнила слова первого Пса: «Тебя учат. Тебя готовят. А потом продают».

— И что с ними происходит? — спросила я. — С теми, кого продали?

Морана отвернулась. Она смотрела на стену, и я видела, как напряглись ее плечи.

— Они остаются здесь, — сказала она тихо. — Но они уже не ученицы. Они... — она подбирала слово, и наконец выдохнула: — Собственность. Их учат другому. А потом хозяин либо оставляет девушку себе, либо продаёт ещё кому-то. Себе — редко.

Я не стала спрашивать, что именно она имеет в виду. Я и так поняла.

Мы помолчали. Я доела печенье, и тепло разлилось по телу. Усталость навалилась на меня, как тяжелое одеяло. Я зевнула, прикрывая рот рукой.

— Ложись, — сказала Морана, заметив это. — Завтра будет тяжелый день. Директор не любит, когда новенькие опаздывают.

Я кивнула и легла на свою кровать. Одеяло было жестким, подушка — плоской. Я уставилась в потолок, на серый камень, и попыталась расслабиться. Но сон не шел.

В моей голове снова и снова всплывало лицо.

Молодой человек на балконе. Темные волосы, падающие на плечи. Синий кристалл на шее. Он смотрел на меня. Всего секунду. Но этого хватило.

Внутри у меня все сжалось от чего-то неприятного. Как будто я снова стою на краю обрыва и падаю в темноту. Я вспомнила, как он прижимал к себе ту девушку. Как его рука лежала на ее талии. Как он наклонился к ее шее.

И я почувствовала... что? Отвращение? Страх? Я не знала. Но что-то было. Что-то, от чего мое сердце билось быстрее, а ладони становились влажными.

Я закрыла глаза и попыталась выкинуть его из головы. Но его взгляд стоял передо мной, как будто был выжжен на внутренней стороне век. Оценивающий. Холодный, но в то же время обжигающий. Странное сочетание.

Я повернулась на бок, подтянула колени к груди и натянула одеяло до подбородка. Морана уже спала, ее дыхание было ровным и глубоким. Он снова оказался передо мной: тем-

ные волосы на плечах, синий кристалл, взгляд, который длился всего секунду. Я перевернулась на другой бок. Потом опять. Сердце стучало слишком громко для человека, которому завтра вставать в шесть, и я лежала, глядя в потолок, пока серый камень не сделался чуть светлее.

3

Я проснулась от звука, который разрывал тишину, как ржавый нож ткань.

Сирена.

Она выла откуда-то из-под потолка, пронзительная, механическая, с металлическим скрежетом. Я подскочила на кровати, запутавшись в одеяле, и едва не упала на пол. Сердце колотилось.

— Какого дьявола?! — вырвалось у меня.

Морана уже сидела на своей кровати. Она выглядела так, будто не спала всю ночь — глаза красные, волосы растрепаны, но она даже не вздрогнула от этого воя. Просто смотрела на меня с кривой усмешкой.

— Доброе утро, — сказала она. — Это наша побудка. Каждое утро. В шесть.

— В шесть? — я посмотрела на окно. За затянутым бычьим пузырем было темно, как ночью. — Солнце еще даже не встало.

— Здесь оно и не встает, — ответила Морана, поднимаясь. — По крайней мере, для нас. Давай, шевелись. Если опоздаем на перекличку, мадам Кросс с нас шкуру спустит.

Я выползла из кровати, проклиная все на свете. Ноги гудели от вчерашней езды, спина ныла, а голова была тяжелой, как будто я всю ночь таскала камни. Одеяло, которое казалось мне жестким, теперь было единственным, что хотелось сохранить.

— Ненавижу это место, — пробормотала я, протянув руку к вчерашнему платью. — Ненавижу эту сирену. Ненавижу тех, кто это придумал.

— Тише ты, — шикнула Морана. Она уже натягивала свою серую форму, но двигалась быстро и ловко, как будто делала это тысячи раз. — Здесь стены имеют уши. И не только уши. Если кто-то услышит, как ты проклинаешь Цитадель, тебе не поздоровится.

— Мне уже не поздоровилось, — огрызнулась я, но все же понизила голос.

В дверь постучали. Коротко, три раза. Морана открыла, и на пороге стояла одна из служанок — бледная, молчаливая женщина в темном платье. Она протянула нам два подноса с едой и тут же исчезла, не сказав ни слова.

Завтрак был скудным: кусок черствого хлеба, несколько ломтиков сыра и кружка теплой воды, в которой плавали какие-то травы. Я взяла хлеб и начала жевать, стараясь не думать о том, что вчера ела печенье Мораны.

— Это все? — спросила я.

— Это все, — ответила Морана, садясь на кровать. — Здесь не балуют. Считай, что это еще хороший день. Иногда дают только пустую кашу.

Я вздохнула и доела все до последней крошки. Потом мы оделись окончательно — натянули форму, застегнули все пуговицы, поправили воротники. Морана подошла к тазу с водой, умылась и посмотрела на меня.

— Иди сюда, — сказала она. — Посмотри на себя.

Я подошла к маленькому зеркалу, висевшему над тазом. Оно было мутным, с трещиной в углу, но я все равно увидела себя.

Рыжие волосы, которые в деревне казались мне огнем, здесь выглядели тускло и неопрятно. Они торчали в разные стороны, и я попыталась пригладить их рукой, но они все равно не слушались. Лицо бледное, с россыпью веснушек на носу, которые здесь казались неуместными. Глаза — большие, серо-зеленые, как болотная вода — смотрели на меня устало и настороженно. Губы потрескались от холода и ветра.

А платье... Платье было ужасным. Серое, бесформенное, с длинными рукавами и высоким воротом, оно висело на мне, как мешок. Оно скрывало все — фигуру, талию, плечи. Оно делало меня похожей на мышь.

— Этот мышиный цвет просто ужасен, — заявила я, дергая подол платья. — Я выгляжу как... как...

— Как послушная ученица, — закончила за меня Морана. Она стояла позади, скрестив руки на груди. — Это и есть цель. Никто не должен выглядеть красиво. Красота здесь — это привилегия. Для тех, кто может себе ее позволить.

— И кто же может? — спросила я, оборачиваясь.

Морана посмотрела на меня, и в ее глазах промелькнуло что-то — не то жалость, не то предупреждение.

— Ты красива, Ровена, — сказала она тихо. — Даже в этой хламиде. Даже с этими волосами, которые торчат, как солома. И это... это может быть опасным.

— Опасно быть красивой?

— Здесь — да. — Она отвернулась и начала заплетать свою косу. — Здесь красота — это валюта. И если ты не хочешь, чтобы тебя купили слишком быстро, лучше быть незаметной.

Я хотела ответить что-то резкое, но вдруг вспомнила вчерашнюю девушку. Ту, что стояла на балконе с молодым человеком. Ее платье не было серым. Оно было ярким, красивым, с открытыми плечами и глубоким вырезом. И она смеялась, а не дрожала.

— Вчера, когда меня привезли, я видела на балконе девушку, — сказала я. — С молодым человеком. Она была одета совсем иначе.

Морана замерла. Ее руки остановились на полпути к косе.

— На балконе? — переспросила она. — Ты видела кого-то на балконе?

— Да, — сказала я, и мое сердце почему-то забилось быстрее. — На втором этаже. Я так понимаю, это тоже жилые корпуса, только куда шикарнее наших. Там был молодой человек. Высокий, с темными волосами. И девушка. Они смеялись, пили вино. Она была в красивом платье. Не в такой хламиде, как у нас.

Морана медленно повернулась ко мне. Ее лицо побледнело, хотя оно и так было белым. Глаза расширились.

— Ровена, — сказала она, и голос ее дрогнул. — Ты... ты уверена, что он тебя видел?

— Уверена, — ответила я, вспоминая тот момент. Его взгляд. Холодный, оценивающий. — Он посмотрел на меня. Всего секунду. Но посмотрел.

Морана открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент дверь распахнулась. На пороге стояла мадам Кросс. Ее ключи звякнули, и звук этот показался мне оглушительным.

— Ровена, — сказала она, и в ее голосе не было ни капли тепла. — Идем. Директор ждет тебя.

Я кивнула и шагнула к двери. Но перед тем, как выйти, я обернулась. Морана смотрела на меня, и в ее глазах был такой страх, что у меня внутри все похолодело.

— Морана? — тихо позвала я.

Она покачала головой. Едва заметно. Как будто говорила: «Не сейчас. Не здесь».

И тогда я вспомнила слова второго Пса, брошенные вчера во дворе. «Ох, девочка... Зря ты привлекла его внимание. Очень зря».

Что это значило? Кто он был? И почему Морана смотрит на меня так, будто я уже мертва?

Мадам Кросс подтолкнула меня в спину, и я вышла в коридор. Дверь закрылась за мной, и испуганное лицо Мораны пропало. Ключи звякали впереди, каблуки стучали по камню, и я шла за ними, повторяя про себя то, что она сказала одними губами: не сейчас, не здесь.

4

Мадам Кросс шла быстро, и ее каблуки гулко стучали по каменному полу. Я едва поспевала за ней, стараясь не отставать. Мы миновали коридор, где находилась моя комната, и свернули в другой, более широкий.

И тут я поняла, что мы попали в другое крыло.

Если общежитие было серым, холодным и голым, как тюрьма, то здесь все было иначе. Под ногами вместо холодного камня лежали ковры — толстые, темно-бордовые, с золотой каймой. Стены были увешаны гобеленами с изображениями битв и магических ритуалов. Вдоль стен стояли канделябры с магическими огнями, которые давали мягкий, теплый свет. Воздух пах благовониями и старыми книгами.

Я оглядывалась по сторонам, и во мне боролись два чувства. С одной стороны, я ненавидела эту роскошь, потому что знала, за чей счет она существует. С другой — не могла не признать, что здесь было красиво. По-настоящему красиво. И это пугало меня больше, чем убожество общежития.

Мы остановились у массивной двери из темного дерева, украшенной резьбой. Мадам Кросс постучала.

— Входите, — раздался голос изнутри. Тихий, но слышный даже сквозь дверь.

Мадам Кросс открыла дверь и посторонилась, пропуская меня вперед. Я шагнула в кабинет и остановилась.

Лорд Валериан сидел за огромным столом из черного дерева. Он поднял голову, и я увидела его лицо.

Ему было лет сорок, или около того. Темные волосы с проседью на висках были аккуратно зачесаны назад. Зеленые глаза смотрели на меня тяжело, как омут, в котором можно утонуть. Он был одет в черный камзол с серебряной вышивкой, и на его пальце блестело кольцо с рубином.

Кабинет был огромным. Стены заставлены книжными шкафами, в которых стояли фолианты в кожаных переплетах. На столе лежали бумаги, карты и какие-то артефакты. В воздухе висел запах старой бумаги и холодного воска. И магия. Я чувствовала ее — тяжелую, темную, давящую. Она исходила от него, от его кольца, от стен, от самого воздуха. Я почти физически ощущала, как она сжимает меня, словно змея.

— Ровена, — сказал он. Это был не вопрос. Он знал, кто я. — Присаживайся.

Он сказал это, но не указал на стул. И я осталась стоять. Я поняла: это проверка. Он хочет посмотреть, как я буду себя вести.

— Ты телепат, — продолжал он, не дожидаясь моего ответа. — Редкий дар. Но здесь это не имеет значения. Ты знаешь, где ты находишься?

— В Цитадели Багрового Рассвета, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Верно. И ты знаешь, зачем ты здесь?

— Меня продали. Как товар.

Он едва заметно усмехнулся.

— Ты быстро учишься. Это хорошо. — Он откинулся в кресле. — Расскажи мне о своей семье.

Я напряглась. Я не хотела рассказывать ему о матери, о младших, о Кайле. Но я понимала, что он все равно узнает. Или уже знает.

— У меня больная мать. Отчим. Младшие братья и сестры, — сказала я коротко. — Мой отец умер, когда мне было десять. Он был знахарем.

— Твой отец был травником, — поправил он. — Бедная семья. Никаких связей. Ты сама — ничто. Но у тебя есть дар. И это делает тебя ценной.

Я сжала зубы. Он говорил обо мне так, как говорят о лошади или о собаке.

— Раз уж Псы купили меня как товар, — сказала я, и в моем голосе прорезалась злость, — вам, наверное, и так все обо мне известно. Зачем спрашивать?

Лорд Валериан посмотрел на меня. В его глазах не было ни гнева, ни удивления. Только холод.

— Укороти свой язык, — сказал он тихо. — Дерзость здесь наказывается. И поверь мне, ты не захочешь узнать, как именно.

Я замолчала. Внутри меня все кипело, но я понимала, что сейчас не время для гордости.

— Ты здесь для того, чтобы учиться, — продолжал он. — Но не для того, чтобы стать великим магом. Ты здесь, чтобы стать полезной. И правила просты.

Он начал перечислять, загибая пальцы.

— Первое: беспрекословное подчинение преподавателям и охране. Второе: никаких контактов с внешним миром. Никаких писем, никаких передач, никаких попыток связаться с семьей. Третье: любое магическое воздействие, даже из желания помочь кому-то, рассматривается как нарушение. Ты не имеешь права использовать свой дар без разрешения.

Я слушала, и внутри у меня нарастал холод. Это было хуже, чем я думала.

— Что будет, если я нарушу правила? — спросила я.

— Наказание, — ответил он спокойно. — Двадцать ударов кнутом. В присутствии всех учениц, охраны и преподавателей академии. А после наказания ты будешь продана на аукционе. Любому желающему.

Я сглотнула. Двадцать ударов кнутом. Публично. А потом — продажа.

— Тогда ещё один вопрос, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Что будет со мной, когда я закончу обучение?

Лорд Валериан посмотрел на меня долгим взглядом. Потом улыбнулся — и от этой улыбки мне стало по-настоящему страшно.

— Тебя продадут, — сказал он. — Как рабыню. Какому-нибудь темному магу, которому нужны твои способности.

Внутри у меня что-то оборвалось. Но в то же время где-то в глубине души вспыхнула злость.

— Тогда какая разница? — спросила я. — Если меня все равно продадут, то зачем соблюдать правила? Меня продадут в любом случае.

Лорд Валериан наклонился вперед, и его глаза сузились.

— Разница есть, — сказал он. — И очень большая.

Он дал мне осознать его слова.

— Одно дело, когда тебя продают просто для использования твоего магического потенциала, — продолжал он. — В этом случае у тебя есть шанс. Шанс выжить. Шанс обрести свободу. Шанс возвыситься. Если ты будешь полезна, если будешь умна, если будешь знать свое место — ты сможешь стать кем-то. Многие темные маги ценят своих рабов. Некоторые даже дают им свободу.

Он помолчал.

— И совсем другое дело, — сказал он, и его голос стал тише, — когда тебя выставляют на всеобщее обозрение. Обнаженной. Выпоротой кнутом. Когда все видят твой позор. Когда ты уже сломлена — а поверь мне, не все выдерживают двадцать ударов. Некоторые теряют сознание. Некоторые умирают. А те, кто выживает... — он усмехнулся. — Тех покупают для сексуальных утех. И поверь, у черных магов порой очень... своеобразные вкусы.

Я замерла, и до меня медленно доходило, о чем он говорит.

Обнаженная. Выпоротая. Проданная для утех.

— Я вижу, ты поняла, — сказал лорд Валериан. Он откинулся в кресле и махнул рукой. — Мадам Кросс, отведите ее на занятия. У нее еще будет время все обдумать.

Мадам Кросс как будто подслушивала под дверью, потому что секунду спустя ворвалась в кабинет, схватила меня за локоть и потащила к двери. Я шла, как в тумане. В голове было пусто. Только его слова звучали снова и снова, как эхо в пустой комнате.

Двадцать ударов. Позор. Продажа.

Я не знала, что будет дальше. Но я знала одно: я не позволю им сломать меня.

5

Мадам Кросс распахнула двойные двери и буквально втолкнула меня внутрь. Я споткнулась о порог и едва удержалась на ногах.

Аудитория была огромной. Потолки терялись где-то высоко в полумраке, а стены были сложены из того же темного камня, что и весь замок. Вместо привычных парт здесь стояли длинные каменные скамьи, расположенные амфитеатром, спускающимся к большому пустому пространству в центре. По углам аудитории горели магические светильники, а посреди стояла кафедра, высеченная из цельного куска обсидиана. В воздухе пахло сыростью, пылью и почему-то железом.

Но больше всего меня напугали не стены, а взгляды.

Как только я вошла, все головы повернулись ко мне. Два десятка девушек в одинаковых серых платьях — точно таких же, как мое, — смотрели на меня с холодным любопытством, презрением или равнодушием. Под этими взглядами я чувствовала себя голой. И чужой.

И среди них я увидела ее.

Ту самую девушку с балкона.

Она сидела на верхнем ряду, одна, и глаза сами находили ее. Если мы все были серыми мышами, то она была павлином: волосы цвета спелой пшеницы, длинные и волнистые, рассыпались по плечам, скулы высокие, губы пухлые, глаза цвета зимнего неба. Красота у нее была вызывающая, почти агрессивная, и серой хламиды она не носила. На ней было темно-бордовое платье с глубоким вырезом, и оно облегало ее так, что виден был каждый изгиб.

На ее левом запястье я увидела широкий браслет. Тяжелый, из черненого серебра, с выгравированными на нем символами.

Почему-то именно он сильнее всего врезался в память.

Наши взгляды встретились. Она смотрела на меня с ленивым интересом, как на новую игрушку, которую принесли в комнату. Уголок ее губ приподнялся в полуулыбке.

— Тихо, — раздался голос с кафедры.

Я перевела взгляд на кафедру. За ней стоял худой мужчина с острым профилем; длинные пальцы он держал на обсидиане, будто не знал, чем их занять. Волосы с проседью были зачесаны назад, на пальце блестело тяжелое серебряное кольцо с черным камнем. Мантия с высоким воротом. Смотрел он на меня со скукой, будто я отняла у него время.

— Итак, у нас новенькая, — сказал он. — Ровена. Телепат. Редкий экземпляр.

По аудитории пронесся тихий шепот. В голове зашумело. Я не хотела читать их мысли. Я пыталась закрыться, но стены моего разума сейчас были слишком тонкими. Голоса врывались в меня обрывками.

«*Рыжая. Откуда она?»*

«Еще одна сломается через неделю...»

«Телепат? Значит, она видит, какие мы жалкие...»

«Интересно, сколько за нее дадут...»

— Проходи, — сказал преподаватель, указывая на свободное место на нижнем ряду. — Я магистр Корвус. Я преподаю управление стихиями. И я не люблю, когда меня задерживают.

Я заставила ноги двигаться. Чувствуя, как взгляды всех девушек сверлят мою спину, я дошла до указанного места и села, вцепившись пальцами в край каменной скамьи. Меня била мелкая дрожь.

И тут я почувствовала это. Не мысли — эмоции. Они нахлынули на меня, как грязная вода из прорванной плотины. Злость блондинки — острая, колючая, как битое стекло. Страх девушки на заднем ряду — липкий, холодный, как могильная земля. И даже скука магистра Корвуса — серая, тягучая, как болотная тина. В этом месте, пропитанном магией, мой дар

выкручивался на полную мощность, и я не могла его отключить. Я стиснула край скамьи, пытаясь отгородиться от этого хаоса, и вдруг меня осенило: это не просто «чтение мыслей». Это гораздо больше. Я чувствовала их всех. И от этого становилось страшно.

Корвус дождался, пока я сяду, и снова повернулся к аудитории.

— Итак, на чем мы остановились? Ах, да. Стихии. — Он начал медленно прохаживаться перед кафедрой, заложив руки за спину. Его голос звучал размеренно, почти скучающе, но в нем была гипнотическая сила. — Многие глупцы думают, что магия — это слова. Заклинания, шепотки, бормотание. Они думают, что можно произнести нужное слово и мир изменится.

Он усмехнулся.

— Это чушь. Магия — это не слова. Магия — это намерение. Это способность вашего разума вступать в резонанс с тем, что вас окружает.

Я подняла голову. Несмотря на страх, несмотря на все, что произошло, я почувствовала, что ловлю каждое его слово.

— Стихии — это не боги и не духи, — продолжал Корвус. — Это состояния материи. Огонь — это движение, жар, трансформация. Вода — это течение, адаптация, память. Воздух — это мысль, свобода, дыхание. Земля — это основа, воля, постоянство.

Он остановился и посмотрел на нас.

— Вы все обладаете даром, каждый своим. У кого-то он сильнее, у кого-то слабее. Но дар — это только инструмент. Все равно что молоток. Вы можете использовать его, чтобы строить, а можете — чтобы разрушать. Или можете просто бить себе по пальцам, если не умеете с ним обращаться.

Кто-то из девушек тихо хихикнул. Корвус не обратил на это внимания.

— Чтобы управлять стихией, вам нужно научиться чувствовать ее внутри себя, — сказал он. — Огонь — это не только пламя в жаровне. Это жар вашей крови, ярость, которая поднимается из глубины. Вода — это не только река. Это ваши слезы, ваши страхи, ваша способность меняться и приспосабливаться. Воздух — это ваши мысли, ваши сомнения, ваша способность видеть невидимое. Земля — это ваша воля, ваша стойкость, ваша способность стоять на ногах, даже когда весь мир рушится.

Я слушала, и во мне что-то отзывалось. Словно он говорил не о стихиях, а обо мне. О моем страхе. О моей злости. О моей воле.

— К примеру, дар телепатии, — Корвус посмотрел прямо на меня, и я вздрогнула. — Это редкий дар. Он связан с воздухом и водой. С мыслью и с памятью. Но это также и огромная уязвимость. Потому что тот, кто умеет читать мысли, часто не умеет закрывать свои.

Я опустила глаза. Он был прав. Я всегда чувствовала себя обнаженной, когда читала других. Но я никогда не думала, что кто-то может прочитать меня.

— Задача этого курса, — продолжал Корвус, — научить вас не просто управлять стихиями. Научить вас управлять собой. Потому что стихия — это зеркало вашей души. И если ваша душа в хаосе, то и стихия будет в хаосе. Если вы боитесь — вода выйдет из берегов. Если вы злитесь — огонь сожжет вас самих. Если вы сомневаетесь — земля уйдет из-под ног.

Он щелкнул пальцами, и над его ладонью вспыхнул маленький огонек. Он был ярким, ровным, почти живым. Корвус смотрел на него спокойно, как на старого друга.

— Начнем с простого, — сказал он. — Я хочу, чтобы каждая из вас попробовала почувствовать стихию внутри себя. Закройте глаза. Дышите. Найдите то, что отзывается в вас.

Я закрыла глаза. Шум в голове стих. Я больше не слышала чужих мыслей. Я слышала только его голос.

— Найдите свой огонь, — сказал он. — Найдите свою воду. Слушайте себя.

Я глубоко вдохнула, и внутри что-то отозвалось. Не страх и не злость. Тепло.

Искра.

Я открыла глаза. Аудитория больше не казалась мне такой пугающей. Я все еще боялась. Я все еще была в ловушке. Но теперь у меня было кое-что, чего не было раньше.

Я хотела учиться — не для того, чтобы стать рабыней, а чтобы выжить. И, может быть, чтобы сбежать.

— Хорошо, — сказал Корвус. — А теперь перейдем к практике.

6

Магистр Корвус отпустил нас резким взмахом руки, даже не попрощавшись. Аудитория сразу наполнилась шумом — скрипом скамеек, шелестом юбок, тихими перешептываниями. Я встала, чувствуя, как онемели ноги. В голове все еще звучал его голос: стихии, намерения. Это было странно, но занятие мне действительно понравилось. Впервые за все время, что я провела в Цитадели, я почувствовала что-то, кроме страха.

Но долго думать об этом мне не дали.

Девушки выходили из аудитории гуськом, и я оказалась прямо за той самой блондинкой. Она шла впереди, и ее темно-бордовое платье с глубоким вырезом открывало спину. Я не хотела смотреть. Я не хотела видеть. Но взгляд невольно скользнул по ее обнаженной коже.

И я замерла.

На ее спине, от лопаток до самого пояса, тянулись тонкие красные линии. Они были аккуратными, ровными, словно нарисованными чьей-то жестокой рукой. Следы от плети. Я видела такие следы в деревне — когда староста порол конокрада. Но это было другое. Эти линии были свежими, они еще не успели побледнеть, и кожа вокруг них казалась воспаленной.

Я сглотнула, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Но блондинка шла спокойно. Она даже не пыталась прикрыть спину. Она смеялась над чем-то, что говорила ей другая девушка, и ее смех был искренним, легким. Как будто эти шрамы были не на ее теле. Как будто это была не ее боль.

Я отвела взгляд, но тут же увидела еще нескольких девушек. Они шли по коридору, и их невозможно было не заметить. Они были одеты так же, как блондинка — в яркие платья с открытыми плечами и спинами. На их запястьях тускло поблескивали широкие серебряные браслеты из черненого металла. Они болтали, смеялись, некоторые шли под руку. И ни одна из них не выглядела несчастной.

Это пугало меня больше, чем все, что я видела в кабинете лорда Валериана. Впрочем, долго размышлять об этом мне не позволила проклятая сирена. После того как она наконец отзвучала, женский голос из динамиков сообщил, что наступило время обеда и все должны пройти в столовую. Очень вовремя, учитывая, что я сильно проголодалась.

Столовая была огромной. Потолки уходили вверх, в полумрак, а длинные дубовые столы ломились от простой, но сытной еды: хлеб, похлебка, куски мяса, овощи. Запах был таким густым, что у меня закружилась голова. Я нашла Морану почти сразу — она сидела в углу, подальше от всех, и жевала кусок хлеба.

— Садись, — сказала она, кивнув на место рядом с собой.

Я села и положила перед собой тарелку с похлебкой.

— Как прошло? — спросила Морана, внимательно глядя на меня.

— Страшно, — честно ответила я. — Директор объяснил мне правила. А потом я была на занятии по управлению стихиями. Магистр Корвус... он интересно рассказывал.

— Корвус — один из немногих, кто здесь не садист, — сказала Морана. — Он просто скучающий. Это тоже не сахар, но с ним хотя бы можно выжить.

Я кивнула и набрала в рот похлебки. Она была горячей, и это немного успокоило меня. Но я не могла перестать думать о том, что видела в коридоре.

— Морана, — тихо позвала я. — Те девушки. В ярких платьях. У них всех одинаковые браслеты. Кто они?

Морана перестала жевать. Она посмотрела на меня, и в ее глазах мелькнула тень.

— Это те, кого продали, — сказала она. — Я же говорила.

Я вздрогнула, вспомнив спину блондинки. Красные линии. Свежие, воспаленные. И браслет на руке. Теперь я понимала, кто она.

— Но они не выглядят несчастными, — сказала я, вспомнив вчерашнюю сцену на балконе. В моем голосе послышалось недоумение. — Они смеются. Они болтают. Как будто все в порядке.

Морана пожала плечами.

— А что им остается? Плакать? Если они будут плакать, хозяевам это надоест. А если надоест — их выбросят. Или убьют. Они научились улыбаться. Это их способ выжить.

Я опустила глаза и уставилась в тарелку. Я не могла представить, как можно улыбаться после того, как тебя выпороли. Как можно смеяться, когда у тебя на спине кровоточащие раны. Хотя, если это единственный способ выжить...

Я застыла пытаясь переварить её слова. И тут почувствовала это.

Взгляд.

Он был как прикосновение к коже. Как холодный ветер, который пробирается под одежду. Я подняла голову, и взгляд метнулся через столовую, мимо девушек, мимо длинных столов, к дальнему крылу, где сидели преподаватели.

Там было все по-другому. Столы были накрыты белыми скатертями, и на них стояли бутылки с вином, серебряные блюда с запеченным мясом, свежие фрукты. Это был другой мир. Мир, где люди не думали о том, чем им заплатить за завтрашний ужин.

И там, за этим столом, сидел он.

Вчерашний незнакомец с балкона.

Теперь я видела его лицо ясно, и оно было красивым той красотой, от которой становилось не по себе. Высокие скулы, темные волосы, падающие на плечи, чувственные губы, изогнутые в ленивой усмешке. Рубашка на нем была черная, расстегнутая на груди, в руке он держал бокал с темно-красным вином. Его глаза смотрели прямо на меня.

Он не отводил взгляда. Он смотрел так, как смотрят на добычу. Оценивающе. Голодно.

Я замерла. Не могла пошевелиться. Не могла дышать.

Рядом с ним сидела блондинка. Она наклонилась к нему, что-то говорила на ухо, ее рука лежала на его плече. Но он даже не смотрел на нее. Его глаза были прикованы ко мне. За столом сидели еще несколько молодых людей, его ровесников, и они тоже поглядывали в мою сторону, но с меньшим интересом.

— Морана, — прошептала я, не в силах отвести взгляд. — Кто это?

Морана проследила за моим взглядом. И побледнела.

— Тише, — прошипела она, хватая меня за руку. — Не смотри на него. Ради всего святого, отведи взгляд.

— Кто он? — повторила я.

— Это Эйнар, — сказала Морана, и ее голос дрогнул. — Сын лорда Валериана. Он... он не преподаватель. Он здесь живет. Он... — она замолчала, подбирая слова. — Слухи о нем ходят самые ужасные. Он жестокий. Он играет с девушками, а потом выбрасывает их. Он... — она снова замолчала. — Просто не смотри на него. Не привлекай его внимания.

— А та блондинка? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Агнес. — Морана вздохнула. — Она одна из последних его рабынь. Он купил ее после наказания. Говорят, у него их было много. Он быстро теряет интерес.

Я снова посмотрела на Эйнара. Он все еще смотрел на меня. И теперь его улыбка стала шире. Он медленно поднес бокал к губам, сделал глоток, а потом, не отрывая от меня взгляда, провел языком по нижней губе.

Это было так интимно и нагло, что у меня залило щёки. Я опустила глаза, вцепившись в край стола. Внутри меня все кипело. Дрожь во всем теле, странная, непривычная.

Я попыталась прочитать его мысли. Это было рефлексом, как и вчера. Я потянулась к его разуму, но наткнулась на стену. Черную, непроницаемую, как обсидиан. Заслон. Он не позволял мне войти.

— Ровена, — прошептала Морана, и в ее голосе был настоящий страх. — Не смотри на него. Пожалуйста.

Но я не могла отвести взгляд. И он это знал.

Эйнар откинулся на спинку стула, держа бокал в руке, и его улыбка стала еще шире. Он смотрел на меня, как на что-то, что ему принадлежит. Как на вещь, которую он собирается забрать.

7

Я сидела, вцепившись в край стола, и пыталась дышать ровно. Щеки горели, сердце колотилось где-то в горле, а взгляд Эйнара все еще был прикован ко мне, как цепь.

И вдруг я услышала его голос.

Не ушами. Внутри головы. Он звучал так четко, так близко, как будто Эйнар стоял прямо за моей спиной и шептал мне на ухо. Голос был низким, бархатистым, с ленивой усмешкой.

«*Подойди*».

Это слово вошло в меня, как ледяной клинок. Я почувствовала, как что-то чужое, холодное и тяжелое, скользнуло в мой разум, мягко отодвигая мои собственные мысли в сторону. Это было не приглашение. Это был приказ, и он пульсировал в моей голове, отдаваясь глухой болью в висках.

Я вздрогнула и замерла. Что-то внутри меня содрогнулось от этого звука. Я посмотрела на Морану, но она ничего не слышала. Она все еще что-то говорила мне, теребила мой рукав, но ее голос звучал как будто издалека, приглушенно.

«*Встань и иди сюда, Ровена».*

Я вцепилась пальцами в столешницу так, что ногти заскребли по дереву, а костяшки побелели. Нет. Я не пойду. Я пыталась выстроить в голове стену, хоть какую-то защиту, но моя магия словно онемела, скованная его волей. Я чувствовала, как по позвоночнику стекает холодный пот, а горло сжимается так, что становится трудно дышать.

— Ровена? — голос Мораны звучал обеспокоенно. — Ты побледнела. Что случилось?

Я не могла ответить. Я не могла даже повернуть голову. Все вокруг расплывалось, теряло четкость, как будто я смотрела на мир сквозь мутное стекло. Остался только его голос. И его глаза. Ярко-зеленые, неестественно яркие, как светящийся малахит. Таких глаз не бывает у обычных людей. В них была сила. Древняя, темная, пугающая. И его губы, растянутые в чувственной улыбке, которая обещала боль и удовольствие одновременно.

«*Ты слышишь меня. Хорошо. Теперь встань».*

Я почувствовала, как мышцы напряглись против воли. Это было отвратительное, тошнотворное ощущение — как будто кто-то дергал за невидимые ниточки, привязанные к моим сухожилиям. Я попыталась вжаться в скамью, стать тяжелой, как камень, но мое тело больше не принадлежало мне. Колени выпрямились сами собой, с громким скрипом отодвигая скамью. Я слышала, как где-то в глубине моего сознания бьется паника, но она была заглушена его волей, которая заполнила меня всю, не оставив места для сопротивления.

— Нет, — прошептала я, но это был не крик, а жалкий шепот.

«*Встань*».

И я встала.

Морана схватила меня за руку.

— Ровена, что ты делаешь? — прошипела она. — Сядь! Ради всего святого, сядь!

Но я не могла. Мои ноги двигались сами по себе. Я сделала шаг, чувствуя, как деревянные ноги несут меня вперед, словно я была куклой на веревках. Столовая вокруг меня расплывалась, превращаясь в серое пятно. Я слышала, как девушки за соседними столами начали

шептаться, чувствовала их взгляды на своей коже, полные презрения и жалости. Но это было неважно. Важно было только то, что я шла к нему. И не могла остановиться.

Я видела, как Эйнар откинулся на спинку стула. Его улыбка стала шире. Он смотрел на меня так, как смотрят на бабочку, которая сама летит в огонь. И это было унизительно.

«*Вот так. Хорошая девочка*».

Эти слова обожгли меня изнутри, как пощечина. Я ненавидела его. Ненавидела себя за то, что не могу сопротивляться. Я пыталась думать о Кайле, о его добрых глазах, о его нежных поцелуях, чтобы найти в этом опору. Но даже это не помогало. Голос Эйнара заглушал все, заполняя собой каждую клетку моего тела.

Я прошла половину столовой. Девушки умолкли. Даже преподаватели за своим столом обернулись, чтобы посмотреть, что происходит. Агнес смотрела на меня с любопытством, но в ее глазах было что-то еще. Злость. Яркая, ничем не прикрытая.

Оставалось два метра. Я видела его лицо так ясно, как будто он был совсем рядом. Видела его руки, лежащие на столе. Видела кулон на его шее, синий кристалл, который мерцал в свете ламп. Видела его глаза, которые не отпускали меня.

И тогда что-то внутри меня взбунтовалось.

Я собрала всю свою волю, всю свою злость, весь свой страх и швырнула это в черную стену его приказа. Будто я пыталась разжать стальные тиски голыми руками. Колени задрожали, по щекам текли слезы от невероятного напряжения, а в ушах зазвенело.

Откуда взялись силы, я не знаю — злость, страх или инстинкт самосохранения, — но я остановилась. Ноги налились свинцом, и я больше не могла сделать ни шагу.

«*Не останавливайся*».

Нет. Я не пойду. Я не буду его игрушкой.

Я развернулась. Резко, так, что чуть не упала. И побежала.

Я не помню, как добежала до двери.

Помню только, что зацепилась за ножку стола, споткнулась и полетела на пол. Колени обожгло острой болью, ладони заскользили по холодному камню, сдирая кожу. Я услышала, как ткань платья треснула где-то на плече. Но я встала. Снова. И побежала дальше, чувствуя, как из разбитой коленки сочится теплая кровь, а в ладонь впивается заноза.

А за спиной раздался смех.

Не злой. Не издевательский. А искренний, легкий, как будто он увидел что-то забавное. Как будто я была маленьким котенком, который пытается убежать от хозяина, но все равно вернется.

Этот смех был хуже любого удара.

Я выбежала из столовой и прижалась спиной к холодной стене в коридоре. Сердце колотилось так, что болело в груди. Я не могла дышать. Я не могла думать. Я просто стояла и слушала, как его смех все еще звенит у меня в ушах.

Щеки горели. Пальцы дрожали, и я спрятала их в рукава. Стыд был, и страх был, а третьего я не решалась назвать даже про себя. Я прижала ладонь к груди и стояла так, пока сердце не пошло медленнее, потом отклеилась от стены и пошла к общежитию.

8

Коридор учебного корпуса был пуст. Дневные занятия закончились, и ученицы возвращались в общежитие, оставив после себя лишь эхо шагов и запах дешевого мыла. Я шла быстро, прижимая к груди стопку выданных книг. После столовой прошло несколько часов, но мои руки все еще дрожали, а на языке оставался привкус того унижения, когда я бежала через столовую под его смех.

Я почти дошла до массивных дверей, ведущих во внутренний двор, когда из тени арки отделилась фигура.

— Куда спешим, рыжая?

Я вздрогнула и резко остановилась. Эйнар стоял прямо передо мной, прислонившись плечом к каменной колонне. Руки в карманах, черная кожаная куртка расстегнута, на шее тускло мерцал синий кристалл. В полумраке коридора его глаза светились сами собой — ярко-зеленые, слишком яркие, пронзающие насквозь.

— Пропусти меня, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Уже поздно. Мне нужно в общежитие.

— Поздно? — он лениво усмехнулся, отталкиваясь от колонны. — Для кого-то, может, и поздно. А для меня вечер только начинается.

Он сделал шаг ко мне. Я инстинктивно отступила на полшага назад, но он больше не приблизился. Просто стоял и смотрел.

— Мы уже дважды виделись, но так и не познакомились, — сказал он, и в его голосе послышалась насмешка. — Хотя я знаю о тебе все. Ровена. Восемнадцать. Телепат из Кейрн-Холлоу. Продана отчимом. — Он выждал, и его улыбка стала шире. — Знаешь, кто я?

Я сжала книги крепче.

— Ты сын директора. Эйнар.

— Значит, та крыска, что сидела с тобой рядом, уже просветила тебя. — Он усмехнулся. — И что же она сказала? Что я жестокий? Что я играю с девушками и выбрасываю их? Что от меня нужно держаться подальше?

— Что-то в этом роде, — ответила я, стараясь не показывать, как сильно колотится сердце.

— Что ж, — он пожал плечами, — она не соврала.

Он снова шагнул вперед. На этот раз я не отступила. Спиной я уже чувствовала холодную стену. Он остановился в шаге от меня, и до меня дошел запах его парфюма — что-то терпкое, пряное, смешанное с ароматом кожи и вина.

— Но она не сказала тебе главного, — продолжил он тихо. — Она не сказала, что я не люблю, когда от меня убегают. Особенно те, кто мне интересен.

— Я тебе не интересна, — сказала я.

— О, еще как интересна. — Его взгляд скользнул по моему лицу, опустился к шее, задержался на ключицах. — Я видел тебя в столовой. Ты сидела, вцепившись в стол, и смотрела на меня так, как будто я был огнем, а ты — мотыльком. Ты боялась. Но не отводила глаз.

Он протянул руку и намотал на палец прядь моих волос. Я вздрогнула.

— Рыжие волосы, — пробормотал он, пропуская прядь между пальцами. — Такие яркие. Такие... живые. В этом сером царстве ты выглядишь как факел в темноте. Неудивительно, что я тебя заметил.

Я хотела оттолкнуть его руку, но не могла пошевелиться. Его прикосновение завораживало.

— Что тебе нужно? — спросила я, и мой голос прозвучал хрипло.

— Поговорить, — ответил он, отпуская мои волосы. — Узнать тебя поближе. Ты ведь телепат. Ты читаешь мысли. Интересно, что ты видишь в моей голове?

— Ничего, — призналась я. — Ты закрыт. Как стена.

— Знаю. — Его улыбка стала шире. — Я специально закрываюсь. Когда ты столько лет читаешь людей, как открытые книги, хочется иногда побыть загадкой. Но ты... — он наклонился ближе, и его голос стал шепотом. — Хочешь попробовать разгадать?

Он снова коснулся меня. На этот раз — запястья. Его пальцы обхватили запястье, большой палец медленно прошелся по внутренней стороне, где бился пульс.

— Ты дрожишь, — заметил он.

— Это от холода, — соврала я.

— Здесь не холодно. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Это от меня. Ты боишься меня. И хочешь меня. Одновременно. И это тебя пугает больше всего.

Я отдернула руку. Слишком резко. Слишком нервно.

— Я тебя не хочу, — сказала я.

— Знаешь, это в принципе взаимно, — сказал он, проигнорировав моё «не хочу». — Пойдем со мной. Я хочу узнать, что скрывается за этой маской испуганной девочки. Хочу увидеть тебя настоящую. Без страха. Без контроля. — Он наклонил голову, и его губы почти коснулись моего уха. — Хочу услышать, как ты стонешь мое имя.

Кровь прилила к моим щекам.

— Ты больной ублюдок, — прошептала я.

— О, нет, — он усмехнулся, и в его глазах вспыхнули злые, веселые искры. — Больной ублюдок — это мой отец. А я просто... хочу попробовать то, что принадлежит мне по праву сильного.

Он внезапно шагнул вперед. Я не успела среагировать. Моя спина ударилась о холодную стену, и воздух выбило из легких. Он зажал меня в углу, поставив руки по обе стороны от моей головы, отрезая любые пути к отступлению. Книги выскользнули из моих рук и с глухим стуком упали на пол.

— Посмотри на меня, — приказал он.

Я попыталась отвернуться, но он схватил меня за подбородок. Его пальцы были горячими, почти обжигающими.

— Я сказал, посмотри на меня.

Я подняла глаза. И в тот же миг его губы накрыли мои.

Поцелуй Кайла был нежным. Это было вторжение. Его губы обрушились на мои, горячие и сухие, и в первое мгновение я почувствовала только давление — жесткое, бескомпромиссное, будто он вдавливал меня в стену одним движением рта. Он провел языком по нижней губе, медленно, влажно, от угла к углу, и только потом сунул язык мне в рот, не спрашивая разрешения.

Вкус вина — терпкий, густой, с горчинкой — заполнил мой рот. Его язык терся о мой, настойчиво, ритмично, и от этого по телу шла дрожь. Не от холода. От жара. Он был везде: во рту, на коже, в легких. Я пыталась вдохнуть, но вдыхала только его запах — кожу, дым, что-то пряное, от чего кружилась голова, — и выдыхала коротко, носом, а в груди уже начинало жечь. Я слышала, как чавкают наши губы, как слюна собирается в уголках и течет по подбородку, и от этого звука внутри становилось тесно.

Мои руки, вместо того чтобы оттолкнуть его, вцепились в куртку. Пальцы судорожно сжали грубую кожу на плече, потом на груди, нашли шов и не отпускали. Он тихо, удовлетворенно выдохнул мне в рот, и этот выдох я почувствовала на языке.

Он углубил поцелуй. Его язык двигался медленно и уверенно, проглаживая небо, поддевая мой, и он точно знал, где у меня слабее, и шел прямо туда. Зубы прихватили нижнюю губу, потянули, отпустили, снова прихватили, и внизу живота все сжималось, тянуло, пульсировало в такт. Я слышала свое дыхание короткими всхлипами через нос. Я никогда не чувствовала ничего подобного. Никогда. С Кайлом это было спокойно и сухо, я не думала о том, куда девать язык. Эйнар целовал так, будто имел на это право.

Его рука отпустила подбородок и скользнула вниз, не спеша: по горлу, где под кожей бился пульс, по ключице, под ворот, вдоль талии, и ткань платья тянулась за ладонью. А потом он жестко, требовательно сжал мою грудь сквозь ткань. Пальцы впились в мягкую плоть, и я вскрикнула — прямо ему в рот. Он не отстранился, будто ждал этого.

Боль была острой, но смешивалась с таким незнакомым удовольствием, что я задохнулась и выгнулась, не успев подумать. Сосок твердел под его ладонью, натягивая грубую ткань, и от каждого движения его пальцев по телу шла волна, отдававшаяся внизу живота. Ткань под его рукой становилась влажной. Я чувствовала, как бедра сами подаются вперед, как слабеют колени и стена за спиной остается единственным, что меня держит, как между ног становится

мокро, так мокро, что я чувствую это через белье, и как клитор отзывается на каждое движение его ладони, хотя он не касался меня там. Мое тело предавало меня. Оно выгибалось ему навстречу, оно дрожало, оно требовало большего. И он это чувствовал. Он знал.

Он отстранился на мгновение, всего на дюйм, и вместе с воздухом вернулся стыд. Его дыхание было тяжелым, прерывистым, грудь поднималась и опускалась, прижимаясь к моей, и через два слоя одежды я чувствовала, как он тверд. Глаза потемнели, зрачки расширились, почти поглотив зелень радужки. На губах блестела влага — моя слюна, и он не вытирал ее. Мой рот был открыт, губы горели и саднили, на них остался вкус вина и соли.

— Ты чувствуешь это? — прошептал он, и его голос был хриплым, низким, как будто ему было трудно говорить. — Ты вся дрожишь. Я знал, что ты такая. Я видел это в твоих глазах. Ты хочешь, чтобы я взял тебя прямо здесь. И я могу. Мне стоит только захотеть.

Эти слова стали ушатом холодной воды. Нет. Это не я. Этого не может со мной.

Я собрала всю свою волю в кулак. Всю свою злость. Весь свой страх.

И толкнула.

Он не ожидал. Пошатнулся, и я, не теряя ни секунды, залепила ему пощечину. Звонкую, хлесткую. Моя ладонь обожгла его щеку, и звук удара эхом разнесся по пустому коридору.

На мгновение он замер. Я увидела, как в его глазах вспыхнула дикая, почти животная злость. Недоумение. Ярость. Он смотрел на меня так, как будто я только что нанесла ему смертельное оскорбление.

Я воспользовалась этим замешательством.

Подхватила с пола книги, прижала их к груди и бросилась бежать. Я не оглядывалась. Я просто бежала так быстро, как могли нести меня ноги, чувствуя, как его взгляд прожигает мне спину.

Только когда двери общежития захлопнулись за мной, я позволила себе прислониться к стене и сползти по ней на пол.

Мои губы горели. Грудь ныла от его хватки. А внутри меня все еще полыхало пламя, которое он разжег. И самым страшным было то, что я не знала, смогу ли я когда-нибудь его потушить.

9

Я влетела в комнату, как загнанный зверь. Дверь с грохотом ударилась о стену, и я прислонилась к ней спиной, пытаясь закрыться, спрятаться, исчезнуть. Сердце колотилось так, что звенело в ушах, руки тряслись так сильно, что я не могла даже расцепить пальцы, вцепившиеся в книги.

Морана подскочила на кровати.

— Ровена? Что случилось? — Она бросилась ко мне, но я отшатнулась, как от огня. Её взгляд быстро скользнул по мне: порванное на плече платье, содранные в кровь ладони, дрожащие колени. И припухшие, неестественно яркие губы. — Ты вся дрожишь. На тебе лица нет. Это Эйнар, да? Что он сделал?

Я открыла рот, чтобы ответить, но не смогла. Слова застряли в горле, как кость. Я не знала, что сказать. Я не знала, как объяснить то, что произошло. Потому что я сама этого не понимала.

— Ровена, — Морана говорила тише, осторожнее, как с больной. — Скажи мне. Пожалуйста. Он тебя обидел? Он тебя тронул?

Тронул.

Это слово эхом отозвалось в моей голове, и губы снова вспыхнули огнем. Я провела по ним языком и ощутила привкус — терпкий, с горчинкой. Вино. Его вино. Оно осталось на мне, как клеймо. Я посмотрела на руки — те самые руки, которые только что вцепились в его куртку, которые позволили ему прижать себя к стене. Я вспомнила Кайла. Его чистые,

невинные поцелуи, его добрые глаза. И меня захлестнула такая волна тошнотворного стыда, что я едва не согнулась пополам.

— Он... — я замолчала, потому что голос сорвался. — Он поцеловал меня.

Морана побледнела.

— О боги, — прошептала она. — Ровена, ты... Он заставил тебя?

— Да... нет... я не знаю, — всхлипнула я, и мой голос дрогнул. — Я не знаю, что со мной. Я не понимаю.

Я оттолкнулась от двери и, шатаясь, прошла к своей кровати. Ноги не слушались. Я упала на матрас, даже не сняв туфель, и уставилась в потолок. Серый камень. Холодный. Безмолвный.

Но мое тело не было безмолвным.

Я чувствовала его руки на своей талии. Чувствовала, как его пальцы сжимают мою грудь — жестко, требовательно. Я все еще ощущала это давление, эту боль, смешанную с чем-то таким острым, что от одного воспоминания у меня перехватывало дыхание. Мои соски все еще были твердыми, и ткань платья терлась о них, вызывая дрожь.

Я чувствовала, как внизу живота разливается тяжелое, тянущее тепло, и ненавидела себя за это. Это было неправильно. Это было грязно. Но мое тело отказывалось это забывать.

Губы были припухшими, влажными, и я чувствовала, как они пульсируют в такт сердцебиению. Я провела по ним пальцем и вздрогнула. Они были горячими. Как будто он все еще целовал меня. Как будто его язык все еще был у меня во рту, исследуя, пробуя, заявляя права.

Я зажмурилась и перевернулась на бок, подтянув колени к груди. Морана подошла и села рядом на край кровати. Я чувствовала ее взгляд, но не могла заставить себя посмотреть на нее.

— Ровена, — тихо сказала она. — Ты можешь мне рассказать. Что бы это ни было. Я не буду осуждать.

— Я не понимаю, — прошептала я, и голос мой был хриплым, как будто я кричала. — Я не понимаю, почему я так реагирую. Он... он грубый. Он наглый. Он пугает меня. Но когда он поцеловал меня, я... — я замолчала, потому что не могла подобрать слова. — Я никогда такого не чувствовала. Ни с кем. Ни с Кайлом.

Морана молчала. Я слышала, как она дышит — ровно, спокойно.

— Это нормально, — наконец сказала она. — Бояться и хотеть одновременно. Это... это то, что они делают. Черные маги. Они умеют играть на наших слабостях. На наших телах. Они знают, как заставить нас реагировать, даже если мы этого не хотим. К тому же он очень красивый. Это нужно признать.

— Но я не хотела, — прошептала я, и слезы наконец потекли по моим щекам. — Я не хотела. Я хотела оттолкнуть его. Я пыталась. Но мое тело...

— Твое тело — это не ты, — сказала Морана. — Твое тело — это просто тело. Оно реагирует на прикосновения. На тепло. На силу. Это не значит, что ты хочешь его. Это значит, что ты живая. Но послушай меня внимательно, Ровена. — Ее голос внезапно стал жестким, почти злым. — Он не просто играет. Он ломает. И тех, кто ему нравится, он ломает сильнее всего. Он хочет, чтобы ты хотела его. Он будет добиваться этого, пока ты сама не начнешь умолять его о пощаде. Не позволяй ему увидеть, что тебе понравилось. Никогда. Иначе он заберет это и будет использовать против тебя.

Я хотела поверить ей. Правда хотела. Но где-то в глубине души я знала, что дело не только в теле. Дело в том, как он смотрел на меня. Как он говорил со мной. Как он называл меня «рыжей». Как он сказал, что хочет увидеть меня настоящую. Без страха. Без контроля.

И самое страшное — я хотела, чтобы он это увидел. Я хотела, чтобы он увидел меня такой, какой меня не видел никто. Даже Кайл.

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок. Слезы высохли, оставив на щеках соленые дорожки. Я чувствовала себя выжатой, как тряпка. Все силы, вся злость, весь страх — все ушло.

— Морана, — позвала я. — Ты говорила, тебе снятся сны. Тебе снилось что-нибудь про меня?

Она замерла, потом села удобнее на краю кровати.

— Сегодня. Перед побудкой.

— Что?

— Вода. — Она смотрела в стену, а не на меня. — Чёрная, как чернила. Ты стоишь в ней по грудь, и вода не двигается. А над тобой кто-то держит свечу. Огонь горит ровно, и вода его не заливает.

— И что это значит?

— Не знаю. — Она помолчала. — Я в этих снах вижу, что будет, а не что это значит. — Она посмотрела на меня. — Но свечу я запомнила. И воду.

— Скажешь мне, если увидишь ещё?

— Скажу. — Морана кивнула и добавила тише: — И если увидишь чёрную воду, не стой в ней.

— Я устала, — прошептала я.

— Спи, — сказала Морана, вставая. — Я разбужу тебя, если что-то случится.

Я закрыла глаза, и сон не пришел. Руки лежали поверх одеяла, и я все еще чувствовала на талии его ладонь, а на губах — вино с горчинкой. Я повернулась лицом к стене. Морана дышала ровно и глубоко. Я лежала и думала, что ненавижу его, и что если бы он сейчас вошел, я бы не знала, кричать мне или ждать. От этой мысли стало жарко, и я зажмурилась, будто кто-то мог прочитать ее у меня на лице.